

Лариса Порхун

И вся любовь...

Сборник рассказов

16+

Лариса Порхун
И вся любовь...

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Порхун Л.

И вся любовь... / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В этом сборнике вы найдёте более тридцати рассказов о женщинах и для женщин. Но, разумеется, интересны они будут не только им. Во-первых, потому что иногда речь идёт совсем не о них. И даже не от их имени. А еще потому что такие вечные понятия, как счастье, любовь, верность - не имеют пола, возраста или национальности. И совсем не зависят от уровня профессиональных или личных достижений. В точности, как ненависть, разлука и одиночество. Всего этого с лихвой хватает в такой непростой и многоцветной жизни героев этих историй.

Содержание

Во всём виноват Филипп	5
Дорогая мама	14
История первая. Никогда не прощу	15
Добрый знак	17
Жила-была Берта	19
И вся любовь...	22
Глухонемая душа	27
Раненое сердце	29
Рецепт семейного счастья	31
В ритме Сэлинджера	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лариса Порхун

И вся любовь...

Во всё виноват Филипп

1.

Артур терпеть не мог зимних праздников. Всей этой предновогодней суеты, бешеной погони за псевдорожественским духом, святочных историй и одноимённых гаданий. Ему совсем не нравился пресловутый хвойный запах с мандариновым вкраплением, а от салата «Оливье», адаптированного много лет назад советскими домохозяйками, его буквально тошнило. Бой курантов и немедленно следующие за ним многотысячные залпы всевозможных фейерверков, тоже, надо сказать, совсем не пробуждали в Артуре никаких светлых чувств. Он не испытывал по этому поводу ностальгических переживаний, и от ежегодных надежд на лучшее будущее вкупе с радостным томлением по чему-то сказочному и прекрасному, тоже был избавлен полностью.

Так, вообще-то, было не всегда. Когда-то с женой они тоже наряжали ёлку, и даже праздновали Рождество. И последние лет пять или шесть семейной жизни, под бой часов загадывали, чтобы в новом году, они наконец-то стали родителями. Но этого чуда так и не случилось. Зато случилось другое. То, что если и можно было бы назвать чудом, то весьма с большой натяжкой. Жена Светочка, видимо основательно заскучав в ожидании всё никак не наступающей беременности, ударилась сначала в вегетарианство, затем начала изучать цигун и усиленно медитировать. И всё это на фоне хатха-йоги, к которой у неё появился неугасимый интерес, с элементами сыро- и прано- едением. Светочка называла это поисками себя и своего предназначения. Она посещала бесчисленные курсы саморазвития, тренинги личностного роста и всевозможные семинары типа #найдисебя#раскройсвойпотенциал, где разнообразные просветлённые гуру и духовные учителя по мере сил и вовсе несимволическую плату помогали ей на этом нелёгком пути.

Артур не возражал и безропотно оплачивал все эти бесконечные практики, как говорится, чем бы дитя не тешилось. Тем более что Светочка говорила ему, что её материнская чакра пока ещё, по невыявленным до конца причинам, недостаточно открыта. Артур вздыхал, но понимал, что нужно набраться терпения и ждать. А пока он тайком от жены сходил к доктору и сдал соответствующие анализы. И когда узнал, что всё у него в порядке, очень обрадовался. До такой степени, что с радостью отпустил Светочку в Крым на какой-то очередной, ультрамодный и нереально дорогой ретрит. Жена приехала перед католическим Рождеством, но как выяснилось лишь для того, чтобы объявить о том, что уходит от него. Светочка сказала, что много думала и переживала. И поняла, что человек не должен жить без любви ни единого дня. И ни при каких обстоятельствах нельзя изменять себе и своему предназначению. Чтобы это, в конце концов, не значило. И что решение её взвешенное, выстраданное и окончательное. Ушла Светлана к своему наставнику – биоэнерготерапевту Григорию. Чтобы теперь уже с ним идти по пути духовного просветления и искать своё предназначение. Артур сдержанно пожелал ей удачи на этом пути.

Когда она ушла, больше всего его почему-то беспокоило, что же теперь делать с ёлкой. Он купил её накануне возвращения жены, и спрятал на лоджии, чтобы вместе затем нарядить. Сюрприз, в общем. У жены сюрприз оказался куда более экстравагантнее. Да и гораздо масштабнее, что там говорить.

Вот с этих самых пор, Артур, мягко говоря, и разлюбил все зимние праздники. Хотя в причине, по которой это произошло, ни за что не признался бы даже себе. У него, на этот счёт,

была логически выстроенная и пуленепробиваемая система защиты, обоснованная и выстроенная на исторических фактах и народной мудрости. Например, он говорил своим друзьям, что, как минимум, глупо радоваться тому факту, что все мы стали старше на один год. Или, что ель, например, испокон веку у славян считалась деревом мёртвых. Или что ему грустно видеть, как в России Новый год, Рождество, Старый новый год неизменно сливаются в медленный и печальный запой. После которого люди выходят на работу, в таком состоянии, будто не отдыхали от трудов праведных, а все эти десять дней полуголодные и обессиленные по шестнадцать часов разгружали вагоны с углём, возвращаясь глубокой ночью в холодную камеру-одиночку.

Поэтому, как только декабрь вступал в свои права, сорокалетний банковский служащий Артур, неизменно собирался куда-нибудь к далёкому, тёплому морю. Желательно туда, где, как можно меньше рождественской и новогодней атрибутики. И где, наоборот, много солнца, фруктов и вечнозелёных растений. До сих пор, ему это прекрасно удавалось. Но не в этот раз. Дело в том, что у Артура был кот Филипп, шестилетний сибиряк, умница и красавец. Он появился почти сразу после развода. И хотя это тоже интересная, местами захватывающая история, заслуживающая, вне всякого сомнения, особого внимания, мы, тем не менее, не будем отвлекаться на неё, чтобы не терять, так сказать, нить основного повествования.

Так вот, до сих пор, во время отсутствия хозяина за Филиппом присматривала двоюродная сестра Артура. Кот её знал, жила она недалеко, так что никаких проблем не было. Но в этом году, она сама с семьёй по горячей путёвке улетала на все новогодние каникулы в Египет, и поэтому нужно было срочно что-то решать. Артур перебрал в памяти всех друзей и знакомых. Кого-то категорически отмёл сам, кто-то не подходил по медицинским, территориальным или этическим соображениям. Или в силу того, что точно также уезжал на праздники. О том, чтобы отдать Филиппа в специальное место или отдать ключи от квартиры чужому, нанятому для кормления кота человеку, не могло быть и речи. И тогда кто-то из приятелей подсказал ему один оригинальный способ: написать объявление и разместить в социальной сети. Артур, хоть и не очень охотно, но всё же согласился. А что ещё оставалось делать? До отъезда какая-то неделя, уже оплачены билеты, приобретены новые плавки и практически собран чемодан, а тут кота не с кем оставить. Он написал довольно трогательное письмо, где прямо заявил о своей острой потребности в добром и заботливом человеке. Далее перечислил основные достоинства кота, его привычки (которые вполне можно было свести к двум преобладающим: есть и, разумеется, спать) и его приятного, во всех отношениях характера. Присовокупил фотографию симпатяги Филиппа и сделал три приписки в конце: 1. *оплата по договорённости*, 2. *возможно проживание*, 3. *равнодушным к котам, и не любящим этих животных, просьба не беспокоиться*.

2.

В это самое время, на другом конце города, тридцатилетняя Сима привычно и равнодушно слушала монолог своей мачехи Полины. Сима, невзрачная, худенькая, в больших очках с неопределённого цвета волосами девушка, давно поняла, что Полине очень важно говорить самой. Иногда Сима смотрела на неё, и не без восхищения думала, что вот по ком наверняка до сих пор где-то плачет скамья в театральном институте. Симе очень бы хотелось знать, что делает Полина, когда остаётся совершенно одна? Или такого не бывает, в принципе? Наверное, подходит к зеркалу и продолжает... играть, прислушиваясь к несмолкающим и продолжительным аплодисментам. Полина, яркая и эффектная, как тропическая бабочка, между тем, продолжала:

– Тебе уже тридцать, Симка! – она закатывала глаза, и делала выразительную паузу, прямо по Станиславскому, мимически подкрепляя весь ужас Симиного положения, – Господи! – потрясала она изящными руками, с длинными пальцами и великолепным маникюром, – Ну и имечко, кстати, *Симка!* Ты что, девочка-шуруп из дурацкого мультика? Чего ты смеёшься? Самое время плакать! Ну ладно, допустим, это не твоя вина... Не можешь же ты,

в самом деле, отвечать за то, что у твоих родителей ни ума, я извиняюсь, ни фантазии... Где они, вообще откопали это имя? В древних церковных скрижалях? С таким же успехом могли сразу после рождения, повязать тебе платок на голову и закинуть на порог монастыря, а что ещё делать? С таким, знаешь, имечком туда только и дорога... Но это ещё полбеды. Ты на себя посмотри? В чём ты ходишь? Что у тебя в жизни есть кроме работы?

– Вы у меня есть, – постаралась вставить Сима, – папа, ты, Юрик...

– Ах, оставь, пожалуйста, – взмахнула рукой Полина, – это ерунда полнейшая... Причём тут это? Тем более что мужикам, чтоб ты знала, вообще всё фиолетово, по большому счёту. Папа твой искренне считает, что волноваться не о чем, а Юрику – пятнадцать, ещё немного и он, фьють, – Полина небрежно качнула пальчиками в направлении двери, – Я же говорю о другом, тебе три дня назад исполнилось тридцать лет! И где ты праздновала свой юбилей? Правильно! В своём доме, в кугу своей семьи... О, боже! Воистину, нет хуже наказания для женщины, чем сочетание – умная дура... – она резко повернулась к Симе, – Я спрашиваю у тебя, какие планы, а ты опять: «да никаких, всё, как обычно»... Полина снова закатила глаза, – Где твои друзья? С кем ты общаешься? Я не имею сейчас в виду членов педагогического совета твоей школы, я говорю о круге общения... – Полина махнула рукой, с таким видом, словно и сама была уверена в полной безрезультативности всего того, что она только что сказала и ещё собирается сказать, – Почему, например, ты снова в этой жуткой кофте? Где платье, что я купила тебе ко дню рождения? Прости, конечно, может это и не моё дело, но на что ты потратила деньги, которые мы подарили тебе с твоим папой? Можешь не отвечать, я и так знаю, где... Там же, где ты их положила... А если и потратила, то только на кошачий и собачий корм, чтобы, как всегда, кормить всех этих встречающихся на твоём пути бродячих паразитов.

– Полина, если один человек задаёт другому вопросы, – снова попыталась вставить Сима, пробуя перевести разговор на юмористические рельсы, – то не думаешь ли ты, что у этого другого человека должна быть хоть малейшая возможность для ответа?

– Ай, оставь, – махнула рукой мачеха, автоматически проверяя безупречность маникюра и одновременно выполняя круговые упражнения для шеи, – знаю я все твои ответы, «для меня важно другое», «зачем, покупать новое, когда не сношено старое?», «я выбираю удобство и комфорт», «у меня всё есть», «а ты представляешь, какво собачкам и котикам зимой?» – произнося последние фразы, Полина уже впрямую передразнивала Симу. И, следует заметить, довольно точно.

– Вот и нет, я совсем не так разговариваю, – вспыхнула Сима.

– Правильно! – вдруг остановилась Полина, – А знаешь, я хочу, чтобы ты разозлилась на меня, я это выдержу, но вылезти, наконец, из этой своей зоны комфорта, из этого своего тёплого, уютного болотца, в котором, ровным счётом, ничего не происходит! И не произойдёт, само на голову не свалится... Бери свою жизнь в свои руки! Начни жить, в конце концов, а не киснуть и бродить...

– Ну, знаешь, можно было просто сказать, что я вам мешаю тут, давай, мол, уже сваливай хоть куда-нибудь. Полина внимательно посмотрела на неё и задумчиво произнесла:

– Я бы очень хотела, чтобы у тебя произошли изменения в личной жизни, я бы даже была рада, если бы эта самая личная жизнь у тебя хотя бы началась... Ты мне не чужая, Серафима, более того, я за тебя переживаю, потому что люблю, хотя я всего лишь мачеха... И мне больно видеть, как ты постепенно превращаешься в заплесневевший, синий чулок... Мне сорок два, а ты выглядишь, чуть ли не старше меня... Впереди Новый год, Рождество, а ты всё сидишь одна... в этой безобразной, растянутой кофте со старушечьим узлом на голове, – Полина снова махнула рукой, но на этот раз настолько обречённо и безнадежно, что Сима почти задохнулась от подступивших и немедленно защищавших глаза слёз. Больше всего её обидели даже не слова, а именно этот небрежный взмах рукой... Полина как будто ставила на ней крест. Окончательно и бесповоротно.

Сима сняла очки, опустила голову и сосредоточенно начала протирать их, чтобы скрыть то, насколько слова Полины задела её. Почему-то в этот момент ей вспомнилось искреннее обращение какого-то мужчины, искавшего, кто присмотрит за его котом во время отсутствия хозяина. Она наткнулась на это объявление вчера поздно вечером, когда заполнив электронные дневники своих учеников, просто просматривала ленту на Facebook. И ей запомнилась фраза «возможно проживание».

– А вот и нет... – запальчиво возразила она мачехе, – Если хочешь знать, меня уже... пригласил один человек... Мы едем с ним... за город...

– Ага, – с меланхоличной издёвкой произнесла Полина, неспешно, с царской надменностью выходя из комнаты, – Конечно, милая... Очень рада за тебя... Не забудь передать от нас привет своему несуществующему другу...

– Он настоящий... Да... – чуть не плача крикнула ей вслед Сима, – И мы будем вместе встречать Новый год... И Рождество...

– Конечно, и как же его зовут? – крикнула из прихожей мачеха, – Барсик, Клёпа или Шарик?

– Его зовут Филипп, ясно!? Филипп... Он... из Сибири... – выкрикнула она, уже стоя на пороге своей комнаты.

Чуть ли не первый раз в жизни, Сима пожалела, что совершенно не умела ругаться... Хотя та же мачеха несколько раз советовала ей научиться у своих учеников хоть чему-то полезному.

Серафиму хватило только на то, чтобы слегка хлопнуть дверью. Она села к компьютеру и стала лихорадочно искать то объявление.

– А если не найду? – думала она, – Или уже поздно, и этот, как его, хозяин Филиппа уже нашёл кого-то? Да где же оно?! Кажется, это?! Точно! Есть! Так, телефон, а, вот... Артур зовут хозяина. Когда Сима набрала номер, ей ответили настолько быстро, будто на том конце провода, кто-то сидел и ждал именно её звонка.

3.

– Сюда, пожалуйста, – проговорил Артур, открывая дверь комнаты, которую они с бывшей женой когда-то планировали под детскую, – Вот, собственно, можно будет устроиться здесь...

Войдя, Сима огляделась: чисто, светло и странно. Комната, не имеющая, очевидно, прямого назначения, и используемая хозяином, как что-то среднее между кабинетом, спортивным уголком (велотренажёр и гантели) и небольшой библиотекой.

– Диван не новый, конечно, но очень удобный... – Артур посмотрел на Симу: – Очень хорошо, что у вас есть возможность ночевать здесь. Во-первых, вы живёте на другом конце города, а во-вторых, – он замялся, – Филипп кот уже довольно взрослый, нервный и очень пугается всей этой новогодней канонады. Сестра иногда забирала его к себе на это время, но в её квартире он тоже чувствовал себя очень неуютно... Словом, проблем хватало всем...

– Я понимаю, – согласно кивнула Сима, – с котами такое случается. Да вы не волнуйтесь, – она улыбнулась, – комната отличная, с Филиппом, мы, мне кажется, поладим. Онаглянула вниз, где точно посередине между ней и Артуром сидел и лениво помахивал хвостом тёмно-серый, с белоснежным треугольным пятном на груди, пушистый виновник всего происходящего. Филипп поглядывал на обоих зелёными глазами и время от времени зевал. Артур смотрел на бледное лицо Симы, туго стянутые на затылке волосы и очень светлые, будто выгоревшие на солнце глаза. – Неплохая вроде женщина, – рассуждал он, – честная и бесхитростная... По лицу видно... У такой и паспорт можно не спрашивать, – усмехнулся он про себя, – да только он-то не такой, и потом порядок, есть порядок... Артур посмотрел на старомодную, длинную юбку Симы и чёрный, домашней вязки свитер:

– Зачем так мрачно одеваться? – искренне недоумевал он, – Она ведь вроде молодая ещё. Как будто специально хочет казаться старше и... невзрачнее, – он смотрел сверху вниз на то, как Сима, присев, негромко «беседует» с Филиппом. Артуру не нравились такие девушки. От слова «совсем». Нет, они хорошие, ответственные и очень надёжные, но... Артура никогда не могла бы заинтересовать женщина, которая напоминает старого, проверенного и совершенно бесполого товарища по партии. Так выглядела Римма – старшая сестра его одноклассника и соседа Макса. Артур помнил добрые глаза на некрасивом, длинном лице, постоянную, словно приклеенную, робкую улыбку и её вечно какую-то кургузую, тёмных тонов одежду... Римма была всего лет на восемь старше их, но казалось, что на все восемнадцать. Ему припомнилось, как все без исключения говорили о том, какая Римма хорошая и добрая. При этом женщины иногда вздыхали и сочувственным взглядом смотрели ей вслед, как бы договаривая про себя, замечая, так сказать, в скобках, *но жаль, что такая некрасивая...*

Артур, глядя на Симу, задумался, уйдя мыслями в свои воспоминания.

– Даже гадать не нужно, где она работает, – думал он, – Так как она, выглядят часто учительницы, причём рождённые до 1970 года, а также музейные работницы и, разумеется, библиотекари.

– А работаете вы ...? – начал Артур.

– В школе... Преподаю биологию... – легко отозвалась Сима, глядя на него снизу вверх. – Бинго! – снова усмехнулся Артур про себя, – нет, ну так даже неинтересно... Ведь должна же быть в женщине хоть какая-то загадка...

– А черты лица, между тем, правильные, я бы даже сказал, классические... – пронеслось где-то на окраине его сознания. И он сам не заметил того, что слишком пристально изучает её лицо. Сима резко встала и смущённо улыбнулась. Артур не на шутку разозлился на себя:

– Какое мне дело до того какие там у кого черты и кто как одевается? Если иметь в виду, для чего она здесь, то это даже плюс... Типичный образчик старой девы... А это значит что? Наверняка кошатница... Можно спокойно ехать... Так что нам с Филиппом, будем считать, крупно повезло.

– Мы ещё по поводу оплаты не договорились, – вслух сказал Филипп.

– Ой, ну что вы, – запротестовала Сима, – не стоит, мне совсем не трудно... И потом я ведь тут буду жить это время, так что... – в голове немедленно перебив её, включился голос Полины: «Ох и простофиля же ты, Симка... Учу тебя учу, всё без толку».

– Нет, так не пойдёт, – нахмурился Артур, – каждый труд, знаете ли, должен быть оплачен... Скажем, – с сомнением посмотрел он на неё, – 500 рублей в день вас устроит?

– О, конечно, – энергично закивала головой, – вполне... Не волнуйтесь...

– Ну и прекрасно, – почти с явным облегчением выдохнул он, – я всё приготовлю, вам ни о чём беспокоиться не нужно будет, к тому же корм я покупаю специальный, так как у Филиппа очень чувствительный желудок. Оба посмотрели на диван, где теперь устроился кот, и встретили его удивлённый взгляд:

– У кого? У меня? В самом деле? – буквально написано было у него на морде, – Вот тебе раз, сколько живу, первый раз об этом слышу, а ты это точно обо мне?

Симе в этот момент больше всего хотелось стукнуть себя чем-нибудь потяжелее. «Да мне не трудно», «Да не волнуйтесь», «Да ничего не нужно» – безжалостно передразнивала она себя. «Только ручку осталось ему поцеловать», – негодовала она на свою неуверенность и стеснение, – Тряпка, размазня, бестолочь...

Он же глядя на неё, испытывал сейчас двойственное чувство, с одной стороны, он хотел, чтобы она, как можно быстрее ушла, потому что его по неизвестной причине беспокоил взгляд её светлых, каких-то беззащитных глаз за очками. А с другой стороны, ему было невыносимо от мысли, что сейчас дверь за ней закроется. И вот это обстоятельство отчего-то настораживало ещё больше.

Договорились встретиться через три дня, то есть в день отъезда Артура. Расставались уже, как добрые знакомые. Перед тем, как ей уйти, он вдруг неожиданно даже для самого себя, решил уточнить:

– Скажите, а ваше полное имя Серафима? Она удивлённо вскинула на него свои глаза, цвета сильно разбавленной, бледно-голубой акварели:

– Ну конечно, вы же видели мой паспорт... Теперь смутился он и привыкая к новому для себя состоянию, неуверенно улыбнулся:

– Честно говоря, я не вчитывался, посмотрел машинально...

– Серафима, шестикрылый серафим, – он обрадовался и как-то внутренне успокоился, – У вас удивительное имя, необыкновенное, вы это знаете? Она пожала плечами, – Не знаю, многим оно кажется несколько... устаревшим...

– Только тем, кто ничего не понимает...

В ту ночь, как минимум, два человека в разных концах города спали не слишком хорошо. Сима лежала на спине и сухими глазами смотрела в потолок:

– Самодовольный и бесконечно уверенный в себе тип, – размышляла она, – было бы из-за кого страдать бессонницей, – за смазливой внешностью ровно ничего нет, – почему-то ей стало себя очень жаль, – да он и не заметил меня вовсе... Хотя рассматривал довольно бесцеремонно... Я для него всего лишь очередной, обслуживающий персонал, одна их тех, кто за умеренную плату обеспечивает ему комфортное существование: стирает, убирает, гладит рубашки. Ну а я буду кормить и присматривать за его котом, – Сима тяжело вздохнула и повернулась на другой бок, – Ну и ладно... вообще-то, если он так относится к животным, возможно, не всё ещё потеряно... И про моё имя так хорошо сказал... Она снова вздохнула, но на этот раз с облегчением, и подумала о том, что хорошо она сделала, позвонив ему. Хоть один Новый год она встретит *не* дома... Потому что именно в праздники сильнее всего ощущается твоё одиночество. И гораздо тяжелее, когда члены твоей семьи становятся невольными свидетелями этого. Печально, когда они украдкой глядя на тебя, тихонько вздыхают, но совсем тошно делается от их добрых советов.

Артур несколько раз вставал, пил воду, пробовал читать, но что-то едва уловимое и ощущаемое, скорее, подсознательно, ему мешало.

– Серафима... – думал он, медленно повторяя про себя её имя, словно пробуя его на вкус. Его бабушка по матери, к которой он несколько раз приезжал на лето под Вязьму, рассказывала ему о шестикрылых серафимах, самых приближённых ангелах божьих. Ему тогда лет восемь-девять было, но он помнил, что у неё светлело лицо, когда она говорила о них.

– Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, – говорила она ему, – обратись к серафиму, он обязательно поможет... Только, помни, что и самому уж нужно стремиться к свету... Потому как ангелы-серафимы больше всего ценят любовь и чистоту душевную...

– А увидеть его можно? Какой он, этот ангел? – спрашивал Артур.

– Конечно, – совершенно серьёзно отвечала бабуля, – Они часто среди людей попадают. Да ты если встретишь, узнаешь его, почувствуешь... он светлый и чистый...

Когда Артуру показалось, что он совсем уже засыпал, почему-то забеспокоился Филипп. Он мяукал перед входной дверью, словно просился на улицу, нещадно скрёб в своём лотке, и под занавес с сипловатым взвизгом, вдруг тяжело рухнул с кресла, чем почти вывел Артура из себя. Он заснул перед рассветом и ему приснился Ангел-серафим с белоснежными крыльями, золотыми волосами и лицом Симы. Она смотрела на него нежно-голубыми глазами и светилась мягкой, всепрощающей полуулыбкой. Артур знал, что ангел прилетел попрощаться. И от этого было нестерпимо грустно.

– Как жаль, что ты улетаешь, – сказал Ангелу Артур.

– Так ведь и ты улетаешь тоже... – грустно ответила Сима-серафим, протяжно вздохнула и взмахнула белым крылом на прощанье. Артур проснулся, от того, что не чувствовал ниж-

них конечностей. Оказалось, что на ногах у него крепким сном праведника спал Филипп. До самого обеда Артур находился с ощущением какой-то потери и того, что ему нужно срочно что-то сделать, а он не имеет понятия, что именно. Вещи собраны... Проездные документы в порядке... На работе – все в норме ... Здоровье -лучше некуда... Да в чём же тогда дело? А может, просто опять наступает его самая нелюбимая пора? Скорее бы уже отсюда... Ещё и Филипп какой-то странный...

4.

Вечерний звонок от Артура раздался совершенно неожиданно. По их договорённости, Сима должна была приехать только завтра к обеду. Артур сначала говорил довольно сбивчиво, что она даже не сразу поняла в чём дело. А может, виновато было её абсолютно непонятное радостное волнение, связанное с таким незначительным событием. Затем всё прояснилось. Оказывается, он хотел удостовериться, что их договорённость в силе, а ещё... Филипп, возможно чувствуя его отъезд, ведёт себя беспокойно и необычно. И, честно говоря, Артур не знает, что делать. Потому что до сих пор ничего подобного не наблюдалось.

– Я понимаю, что это ужасно бестактно с моей стороны и, наверное, совсем не входит в ваши планы, но не могли бы вы приехать... немного раньше, – взволнованно говорил он, – я оплачу вам это время... разумеется...

– Конечно, то есть, – Симе вдруг передалось его волнение, – то есть я имею в виду, что могу приехать раньше, сегодня, а вовсе не деньги... – она закатила глаза и мысленно четыре раза назвала себя душой, каждый раз приставляя к этому слову разные эпитеты, – Знаете, я думаю, что с Филиппом всё хорошо, может ему передаётся ваше волнение и беспокойство... – Сима глубоко вдохнула, будто собираясь нырнуть, и прикрыла глаза, мысленно отдавая себе приказ:

– Знаете, Артур, я хотела, в свою очередь, просить вас о небольшой услуге... – «да говори уже, мямля» – дала она себе мысленный пинок, – у меня, возникли некоторые сложности, то есть, понимаете, отец и мачеха... Они, в общем...

– Не пускают вас? – в ужасе произнёс Артур, – Да вы что?! Я этого и боялся... Вот почему появилась эта тревога...

– Нет, нет, – тоже испуганно проговорила Сима, – Мы ведь договорились, как можно... Дело в другом, видите ли, я редко куда-то хожу... Тем более с ночёвкой, да ещё и на несколько дней... Их можно понять, они беспокоятся, и не верят... В общем, если бы вы могли приехать за мной... Вам ничего не нужно делать... И...

– Господи, конечно, – Артур даже не стал сдерживать облегчённый вздох, – Пойдите, а вы что сказали им, что я ваш...

– Да, – Сима мечтала, чтобы прямо сейчас, немедленно в этой комнате начался её личный, персональный конец света и она провалилась бы куда-нибудь в тартарары, – Но это я... Это вас ни к чему...

– Договорились, – всё беспокойство Артура, как рукой сняло, – Я поднимусь к вам и представлюсь вашим домашним по всей форме... Не переживайте... Скидывайте адрес.

Когда Сима с Артуром подъезжали к его дому, позвонила Полина:

– Я не выдержала, звоню сейчас, просто слушай и ничего не говори... Он – прелесть! Красавчик... Ну, мать ты даёшь! Вот уж удивила... Новый год, действительно, пора чудес!!! Умница, гляди непусти... Папа твой тоже в шоке...

– Полина... – начала Сима.

– Ни-ни, – молчи, делай вид, что ничего особенного не происходит, поняла? И не гляди на него с открытым ртом, мужикам, как известно, это только первые два часа нравится. Всем видом демонстрируй, что у тебя таких сто штук было, ну ладно, он же красавец, а не идиот, не сто, а пусть двадцать, ясно?

–Угу...

– Господи, что тебе ясно, горе моё? Так вот, было и если что, будет... Такая, знаешь, должна быть томная небрежность... Вот же жучка, что ж ты раньше его скрывала, теперь-то курс молодого бойца по телефону, это знаешь нонсенс... – Полина просто захлёбывалась от волнения, – Ну, во-первых, сними очки эти хотя бы в новогоднюю ночь, поняла? Сколько говорила, давай попробуем линзы, так нет... Ты Симка, иногда упряма, как Валаамская ослица, честное слово... Что ещё... ах да, платье моё взяла? Хорошо... О, боже, а бельё!?!? Караул!!

– До свидания, Полина, всего доброго...

– Стой, не смей класть трубку, слышишь! Я тебя шестнадцать лет воспитывала, ночей не спала...

– Полиночка, я очень тебя люблю, – шепнула Сима, – позвоню потом, пока...

Заходя в квартиру, Сима подумала, что больше всего не хотелось бы расстраивать Полину. – Ладно, – думала она, раскладывая вещи, – скажу сначала, что уехал, а потом, да мало ли, что-нибудь придумаю...

За ужином, Артур много говорил. И это тоже было непривычно. Но почему-то именно этой женщине хотелось рассказывать. От её глаз веяло спокойствием, уютом и каким-то настоящим, живительным теплом. Он даже признался, почему уезжает каждый год под Новый год из страны... То есть истинную причину... Которую, как выяснилось, скрывал даже от себя. Хорошо посидели, душевно...

А когда уже собирались расходиться по комнатам, начался сумасшедший дом. Филипп вдруг лёг на полу в прихожей и время от времени, слегка подымал голову и жалобно мяукал. От еды отказывался. На руках висел, как старый, тряпичный коврик. Артур позвонил в круглосуточную ветеринарную клинику. Описал симптомы. Ему сказали привозить животное. В переноску Филипп лезть отказывался наотрез. Он даже вспомнил, что умеет орать благим матом и пользоваться когтями и зубами. Навык, который уже почти полностью атрофировался за ненужностью, восстанавливался прямо на глазах. В связи с этим, Сима поехала тоже, потому что кот, так и быть, соглашался сидеть только у неё на руках. В клинике кота осмотрели и сочувственно выслушали сбивчивый рассказ хозяина. После чего ветеринар пожал плечами и сообщил, что Филипп совершенно здоров. Но предложили оставить до утра под присмотром, так сказать, специалистов. Филипп сидел на руках у Симы, нахально урчал голодным животом, а может, мурлыкал. На пушистой физиономии явственно читалось:

– Только попробуй...

– Поразительно, что же с ним было? – удивлялась Сима, – Ведь даже нос горячий был, я проверяла... Артур, управляя автомобилем, устало пожал плечами:

– Вообще он не капризный, и очень спокойный... Он подумал и добавил:

– А знаете, я уверен, что он расстроился, когда вы ушли в тот раз. Честное слово, это было заметно. Я ещё поэтому вам раньше позвонил... Но вот вы здесь, но что-то непохоже, чтобы он успокаивался... Артур посмотрел в зеркало заднего вида и поздно заметил выезжающую с какого-то двора машину. А дальше всё завертелось суматошно, неправильно и быстро, как в сломанном калейдоскопе. Раздался пронзительный сигнал клаксона, затем несильный, но ощутимый удар, и машина остановилась. Одновременно с этим, Филипп с диким воплем, оттолкнулся от Симы всеми четырьмя лапами, спружинил в правое плечо Артура, на когтях спустился на пол, раздирая его куртку, и заметался по салону. Дальше у Симы всё происходило, как в тумане, хотя никто, включая так и продолжающего подавать звуковые сигналы перепуганного кота, не пострадал. Слегка задетый бампер и две разбитые фары, – общий урон происшествия. Тем не менее, были долгие выяснения отношений, ожидание полиции и предрасветное возвращение домой. Истерзанный морально кот с видом оскорблённого достоинства удалился, почему-то прихрамывая, в комнату и только что не хлопнул дверью.

– Не переживайте, ничего страшного не произошло, – сказала Сима, – ну выплатите ущерб, в крайнем случае.

– Я не за то, – махнул рукой Артур, – простите, что втянул вас в это... Весёленькая ночь получилась...

– Да уж, – засмеялась Сима, – в Филиппа будто бес вселился.

– Да какой там бес, – воскликнул Артур, – сто чертей, как минимум, – и тоже рассмеялся. Когда от смеха на глазах выступили слёзы, Сима стараясь выровнять дыхание и успокоиться, с трудом, выдавила:

– Это нервное, – снова захохотала она, – не обращайтесь внимания...

– Точно, – давась от нового приступа смеха, произнёс Артур, – а что же ещё, все болезни от нервов...

– А знаете, я варю отличный кофе, давайте позавтракаем, – успокоившись, сказал он, – мне ведь через несколько часов в аэропорт уже ехать.

– Конечно, – улыбнулась она, хотя было уже совсем невесело, – я только переоденусь.

... Очередь на регистрацию была длиной в полноводную, извилистую реку. Странно, снова гнетущее, тоскливое чувство, по-хозяйски расположилось в душе Артура. Откуда эта тревога, это ощущение, что он что-то не сделал или сделал неправильно?

– Это чей паспорт? – сухо и требовательно подняла на него подведённые глаза молодая девушка за регистрационной стойкой.

– В смысле? – Артур ещё ничего не успел понять, но откуда-то абсолютно достоверно знал, что никуда он сегодня не полетит.

Девушка, молча, продемонстрировала разворот чужого паспорта Артуру. С фотографии на него так же пристрастно и подозрительно взирало лицо вчерашнего мужика. Того, кто какого-то чёрта выезжал среди ночи со двора, не заметив автомобиля Артура на совершенно пустынной дороге.

– Ах ты ж... – Артур проверил карманы... Бесплезное занятие... Ничего и не может быть. Чёртов гаишник перепутал их паспорта... Или он сам... Или кто-то другой?

Когда всё выяснилось, прошло несколько часов. Но Артуру уже было всё равно. Конечно же, его самолёт улетел. Но и это его не беспокоило. Ему предложили поменять билеты, но он отказался.

– Мне нужно домой, – сказал он и вдруг обрадовался, от гнетущего чувства, что давило на него все эти дни, не осталось и следа. Он позвонил Симе и спросил, что купить к столу.

– Ты решил не лететь? – спросила она, вместо ответа, не заметив, что перешла на «ты».

– Я передумал... Я хочу встречать Новый год с тобой, если ты не против, конечно, – он помолчал и добавил, – просто я не сразу это понял.

– Это очень хорошо, – ответила она, – ты не представляешь, как я рада... А я боялась, что ты меня даже не заметишь...

– Нет, этого бы не случилось, мне ещё в детстве сказали, что я узнаю тебя...

Положив трубку, Сима подошла к зеркалу, сняла очки и распустила волосы... Филипп сидел на полу и внимательно наблюдал за ней. В выражении симпатичной, зеленоглазой кошачьей физиономии, внимательный человек обязательно бы прочитал:

– Всё верно, полностью одобряю вашу тактику...

Когда через пару часов Артур вошёл в квартиру, он ахнул. За красиво накрытым столом сидел Ангел из его сна. Златовласый, белокожий и голубоглазый. В чудесном платье цвета сияющей лазури.

– Это ты? – спросил Артур севшим голосом.

– Это я, – ответила Серафима и засмеялась.

– Я дома... Так вот же оно, счастье, – сказал Артур и шагнул к ней, – Спасибо тебе, господи! Спасибо, шестикрылый серафим!

Дорогая мама

Хочу поделиться с вами двумя историями о судьбах двух совершенно разных людей. Не знакомых друг с другом и никоим образом не пересекающихся. Объединяет их только одно – взаимоотношения с матерью. Или, как в первом случае – полное отсутствие таковых. Истории не просто реальные, они и записаны, примерно так, как были мне рассказаны. Практически от первого лица. Просто, честно и незатейливо. Если они и подверглись с моей стороны некоей литературной обработке, то лишь в самой незначительной степени.

История первая. Никогда не прощу

Славик 17 лет не был в родительском доме. И даже не собирается, ещё чего не хватало. После того, как с ним обошлась родная мать, нет уж, извините... Да, ему сейчас – 37. И да, с тех самых пор, с матерью он так и не разговаривал. Что случилось? А ничего не случилось, просто его использовали всю жизнь, как хотели, да и выкинули... Началось всё с его «семёрки», которую он купил ещё чуть не в восемнадцать, причём на свои деньги. Что? Откуда деньги? Да оттуда... Потому что пахал всю жизнь в колхозе, как проклятый, чуть не с 10 лет. Да плюс дома своё хозяйство, так сказать, тоже само о себе не позаботится – огород, ни конца, ни края, два бычка, куры, гуси, кролики. Всё на нём, потому как именно он из троих детей старший. Мать с раннего детства внушала, что «не потопаешь – не полопаешь». Да и на кого было рассчитывать? С отцом, развелись, когда они с сестрой совсем мелкие были, ни ответа, как говорится, ни привета от него за всю жизнь. Второй раз мать замуж вышла, он уж восьмой класс заканчивал. Так что повзрослеть очень рано пришлось. Понятное дело, не от хорошей жизни. Он и привык, что с ним считаются, что его слово, его мнение, чего-нибудь да стоят. Как выяснилось ничего подобного. Ни черта это не стоит. Первый раз он убедился в этом, когда сестра взяла, да и замуж выскочила в восемнадцать лет. Ну и что, что ему самому тогда всего двадцать было? Он ведь глава семьи, по факту-то. Отчим – мужик неплохой, кто спорит, смирный, по крайней мере, и не пьющий. Не чета, прямо скажем, родному папане. Но всё равно человек пришлый, да и к сорока годам в примаки податься, такая мутноватая история тоже, знаете, не для каждого. Да таких нигде особенно не жалуют. И потом, всё равно он родной только Витьке, младшему... Так что какой он там хозяин, так видимость одна, понятное дело.

– Вот я и говорю, кто мешал Таньке, сеструхе, прежде чем в замуж этот самый прыгать, да ещё за армянина, прийти к старшему брату да посоветоваться? А я бы ей сказал, что не стоит этого делать, ни к чему хорошему это не приведёт. Потому что локти кусать будет, это уж, как пить дать...

– Да какая разница сколько они живут вместе... Подумаешь, двое детей... Дурное дело, как известно, нехитрое. А я тогда был против этого брака и сейчас так же думаю... Да причём тут благословение! Я что, не заслужил того, чтобы узнать моё мнение на этот счёт? Да я ведь всё для семьи делал, всё для них... Всю жизнь...

– Что произошло, когда первую машину купил? Да говорю же, ничего особенного. Ну, купил и купил... Рад был, конечно, ужасно... Что вы, первый парень на деревне. Меня от гордости прямо распирало. Ну а тут вскоре дружок мой нарисовался, только с армейки пришёл... Ну и знаете, как водится, дай покататься, в город мотнусь, типа того, кореша проведу. Ну я и дал, конечно... Молодой, зелёный, ну и потом, друг и земляк, как отказать-то!? А он возьми и разбей машину. Меня ещё до этого мать грызла:

– Ты зачем дал машину? Тебе кто разрешил?... А уж, после всего, так и подавно, такое началось:

– Да как ты посмел?! Да кто ты, щенок, такой?!... Я ей: «Моя машина-то, забыла?» Ох, тут уж она совсем в разнос пошла: «А кто тебя, сопляка, кормил, чтобы ты свои деньги мог откладывать, а где ты жил всё это время? Да мы – семья, да где это видано, твоё, моё»... В общем, слово за слово, мать мне тогда и говорит совершенно серьёзно, отдавай, мол, ключи от тачки... Когда за ум возьмёшься, тогда и поговорим...

Ну я и отдал... ключи... Да и всё остальное... Короче, в чём был тогда, в том и ушёл. Да, семнадцать лет назад. Почему не бываю? Бываю и по работе, и так... И потом, приятели там, брат младший. Но мать с сестрой не видел, и в дом не зашёл ни разу... *И не зайду...*

Мимо родительского дома проезжаю часто. Что? Нет, зайти не хочется... От слова совсем. Кто? Мать? Нет, она тоже ни разу не позвонила и не захотела увидеться. Да я её пре-

красно понимаю, у нас характеры очень похожи. И зачем? Дело, я думаю, не в машине. Вернее, не только в ней. Отчим звонит иногда, ну и с Витюшкой, когда приезжаю, видимся. Хороший пацан, кстати, получился.

Нет, постоянных отношений ни с кем нет, да оно, может и к лучшему. Да потому... Я ведь был женат, ха-ха, полгода целых. Конечно, развёлся, она ведь мне изменяла на каждом шагу. С чего взял? Да с того, знал, чувствовал... Так что, спасибо, конечно, но больше что-то не хочется в это самое наступать... Хорошее дело, действительно, браком не назовут... Тем более мне и так неплохо... Работаю на себя, от заказов отбою нет... Кстати, я ведь не только с металлом, я и по дереву работаю... Ну, это я просто, чтобы вы в курсе были, если что надумаете... Визитка моя у вас есть? Да-а... Так что всё отлично у меня... Зарабатываю нормально... Дом вот строю, а сад у меня какой, ну вы видели... Живу в своё, можно сказать, удовольствие. А тёлку, если приспичит, всегда найти можно... Да знаю я, я ж их в лицо так не называю...

Нет, мать я не прошу никогда... Да не нужно это мне, да и ей, по всему видать, тоже. Она уже всё решила, отчим сказал, что она бабкин дом на двоих поделила, между Танькой и Витькой, понимаете... Она давно уже меня вычеркнула и живёт себе припеваючи... Ну и я, собственно, не жалуясь... Да это что-то в горле першит, с утра самого... Ладно, до свидания, в общем, надумаете, звоните...

История вторая. Как же мне повезло

...

Проходите... Сюда, пожалуйста... А, нет-нет, это не сестра – это мама моя... Что вы, не извиняйтесь, меня часто за её сестру принимают, я привыкла уж... Знаете, говорят, это не такой и редкий случай, когда мать и дочь долго живут вместе, и становятся похожи друг на друга. Да, много лет уже мы с ней вдвоём. Папа рано умер, у брата своя семья, а я вот с мамой. Да что тут считать, мне шестой десяток, мамочке – восьмой... Как говорится, арифметика простая. Да я и рада, что так жизнь сложилась. Вы сами посудите, разве плохо, что я в такое сложное время рядом с ней? А она со мной... Ведь страшно жить-то!! Как, почему? Да вы посмотрите, что творится на свете!! Вы какое варенье любите? Это всё мамочка закрывала... Она всё у меня умеет... И шьёт до сих пор, и вяжет, и коврики плетёт, а готовит как!! Она попозже тоже придёт чай пить, сейчас передача её началась о здоровье, она никогда её не пропускает.

Нет, и в молодости не хотела жить отдельно. Никогда и мыслей таких не было. Знаете, как говорят, от добра добра не ищут... Вот-вот... Чего только в семьях не происходит... Женятся, разводятся, детей бедных дёргают, нервы друг другу мотают... Я бухгалтером проработала в институте, так, знаете, чего только в одной нашей бухгалтерии не наслушалась. У одной муж пил, у другой изменял, у третьей ревнивец – постоянного отчёта требовал... Ой, нет... Это не для меня... Вам не холодно ногам-то? А то я носки дам... Да вы не подумайте, новые, мама вяжет, ах да, я говорила уже... А я мёрзну очень... Мама сейчас заварит чай, с травками, она умеет... Я так не могу. Так что, я вот посмотрю-посмотрю, на женщин, что делается-то: та – плачет, та – алиментов никак не добьётся, та – боится копейку потратить, потому что скандал будет дома, да и думаю, как же мне, всё-таки, повезло...

Добрый знак

Подходя к своему дому, Кирилл Аркадьевич очень удивился, заметив возле калитки довольно крупного, коричневого пса. Собака посмотрела на него уставшим, исполненным миролюбивого долготерпения взглядом, будто вот-вот собиралась сказать: «Ну, где же ты так долго ходишь, сколько можно ждать? Открывай скорее...» Кирилл Аркадьевич постоял в нерешительности, огляделся в поисках возможных хозяев и, не заметив никого, кто хотя бы чисто теоретически подходил для такой роли, снова посмотрел на пса:

– Ты кто? – не придумав ничего более оригинального, спросил Кирилл Аркадьевич, – Может, потерялся? – подумал мужчина, разглядывая довольно упитанные бока, лоснящуюся шерсть и кожаный ошейник животного. Всё говорило о том, что пёс явно не бездомный.

Собака тяжело вздохнула и вильнула хвостом. При этом весь вид её и особенно выражение глубоко печальных, добрых глаз, словно говорили:

– Долго мы под забором-то стоять будем? Может, потом поговорим?... Кирилл Аркадьевич пожал плечами, словно отвечая, таким образом, своим мыслям, открыл калитку, а затем и дверь своего холостяцкого жилища:

– Ну, проходи, раз пришёл, – не спеша проговорил он, заглядывая в холодильник, – Вот только с угощением у меня не густо, – Ты уж извини, гостей, сам понимаешь, не ждал. Пёс махнул каштановой, ушастой головой, как будто успокаивал:

– О, какие пустяки, не волнуйся об этом, я тебя ничуть не беспокою, – и быстро прошёл по небольшой кухне и двум смежным комнатам. Вернувшись на кухню, пёс уселся на задние лапы, и ласково глядя терракотовым глазом на Кирилла Аркадьевича, чуть не сказал вслух:

– Ну что ж, неплохо, главное, спокойно и тепло... Ты не возражаешь? – почти «спросил» он у хозяина дома, направляясь к его старенькому газовому котлу и укладываясь прямо в цементной, выкрашенной масляной краской, в тон его шерсти, нише под ним. По крайней мере, именно так понял гостя Кирилл Аркадьевич:

– Так ты спать хочешь?! – догадался он. Пёс немного отвернулся и снова тяжело вздохнул, как существо высшего порядка, вынужденное регулярно общаться с непроходимыми болванами:

– Слава богу, приехали! – обречённо отозвалась собака, – А я о чём толкую тебе уже полчаса? Ещё у калитки был же разговор, между прочим...

– Погоди, – спохватился Кирилл Аркадьевич, – там тебе будет неудобно, – он на минуту задумался, затем улыбнулся и сказал:

– Сейчас вернусь, никуда не уходи, – и скрылся в маленькой комнатке.

– Даже если бы очень захотел, то уже не смог, – отчётливо было написано на собачьей физиономии, когда пёс широко зевнул и закрыл глаза.

– Вот, – Кирилл Аркадьевич вернулся в кухню со стареньким, детским одеяльцем. Он расстелил его между АГВ и стеной, ласково глядя рукой:

– От внучки осталось ещё, – он вздохнул почти точно так, как несколько минут назад это сделал пёс, – Ложись, если хочешь, отдыхай... – он тяжело поднялся и вышел. Когда через несколько минут, он вернулся, чтобы поставить чайник, собака крепко спала, уютно свернувшись на одеяле. Внутри у Кирилла Аркадьевича стало тоже необычайно уютно.

– Добрый знак, – почему-то подумалось ему.

Ровно через два часа, пёс встал, потянулся, сдержанно поблагодарил хозяина слабым колебанием хвоста вкупе с одновременным взмахом ушами, и пошёл к двери. Когда Кирилл Аркадьевич закрывал за ним калитку, провожая его взглядом, то удивился, насколько уверенно и бодро потрусил собака, свернув в явно хорошо знакомый ей переулочек.

На следующий день, возвращаясь с работы, он увидел пса ещё издали. Тот снова встретил его с таким видом, будто в том, что он второй вечер подряд терпеливо сидит под калиткой совершенно незнакомого человека, нет ничего необычного. Пёс опять доброжелательно, но грустно смотрел на мужчину своими глазами карамельно-шоколадного оттенка, и легонько, но всё же весьма настойчиво постукивал хвостом по земле, мотая, время от времени кудлатой головой. Дескать, ну что же ты, стоишь, глазеешь на меня? Или снова разговоры разговаривать будем?

На этот раз собака не тратила время на обследование помещения и отвлечённые беседы, а сразу направилась к уютно урчащей отопительной системе, пару раз зевнула и тут же провалилась в глубокий, крепкий сон.

Ровно через два часа, она снова, будто повинувшись звонку некоего внутреннего будильника, поднялась, и умиротворённо виляя хвостом, пошла к двери. С тех пор так и пошло, собака появлялась каждый вечер, ложилась спать и затем быстро уходила. Причём от угощения вежливо отказывалась, и возвращалась к себе поспешным, слегка виноватым шагом, словно переживала, что за время её отсутствия могло невесть что случиться.

Кирилл Аркадьевич привык к приходам собаки, и даже иной раз больше обычного торопился домой, представляя, как возле калитки, смиренно понутив голову, терпеливо ждёт его загадочная, коричневая собака с волнистой шерстью и печальными глазами. При этом он постоянно думал о том, откуда приходит к нему этот пёс, почему он всегда такой уставший, и что, вообще происходит.

В какой-то момент, это случилось где-то недели через две, как пёс появился у дома Кирилла Аркадьевича впервые, мужчина не выдержал, взял блокнот, ручку и написал следующий текст: *«Этот пёс регулярно приходит в вечернее время к моему дому, и сразу же ложится спать. Спит около двух часов, после чего поднимается и тут же уходит. Поскольку собака воспитанная и производит исключительно благоприятное впечатление, хотелось бы знать, почему это происходит, и не нужна ли помощь?»* Немного подумав, Кирилл Аркадьевич написал внизу своё имя и адрес.

Затем сложил листок вчетверо и закрепил на ошейнике. Уже на следующий день вместе с четвероногим постояльцем, аккуратно прибывающим на двухчасовой отдых, пришёл ответ.

«Здравствуйте, Кирилл! Спасибо Вам, добрый человек, что даёте возможность отдохнуть нашей замечательной собаке, которую зовут Чарли. Дело в том, что сейчас у меня живёт дочка с тремя детьми дошкольного возраста. Внукам моим – 3, 4 и 5 лет соответственно. Можете себе представить, как весело у нас в доме! А Чарли – пёс с повышенным чувством ответственности и беззаветно предан всем троим, чем иногда сверх всякой меры пользуются эти прелестные создания. Не удивительно, что он сильно устает и даже иногда выбивается из сил. Тем более что он не так уж молод и не привык к такой насыщенной активными играми и постоянной бегомной жизни. Когда я вижу, какой довольный и отдохнувший он возвращается от вас, то наряду с радостью за любимого пса, испытываю самую банальную зависть, и думаю, как было бы хорошо и мне отдохнуть где-нибудь пару часов...

С уважением и благодарностью, Анна, любящая, но отчаянно уставшая бабушка».

Кирилл Аркадьевич сидел какое-то время неподвижно и мечтательно смотрел вдаль. Мыслями в этот момент, он был очень далеко.

– Добрый знак! – снова вдруг подумалось ему. Затем мужчина перевёл взгляд на спящую собаку, мирно посапывающую во сне и, глянув на часы, понял, что она скоро проснётся, а значит времени у него не так уж и много. Он взял лист бумаги, ручку, глубоко вдохнул, словно готовясь внутренне к чему-то очень важному, что возможно повлечёт за собой весьма значительные последствия, улыбнулся какому-то внутреннему своему настрою, ещё раз перечитал письмо, и стал писать ответ.

Жила-была Берта

Да, так меня зовут... Берта. Хотя, согласитесь, имя это не слишком годится для чистокровной неаполитанки, у которой за плечами тысячелетняя история её рода. Хотя, в принципе, мне всё равно, как меня зовут. Ведь чаще остальных ко мне обращается именно Она, а для меня только это имеет значение. Всё остальное не так уж и важно. Но обо всём по порядку... Так вот меня решили назвать Бертой... Я помню, что когда появилась в их доме, Она предлагала и другие имена, запомнилось почему-то одно – Дженни, наверное, потому что понравилось. От него веет изяществом и трогательной нежностью. А ещё отчётливо звучит грация и женственность, то есть именно то, чего мне, как раз, и не хватает. Я это знаю. И Она знает. И те, кто был с ней рядом, видимо, тоже знали, потому что кто-то из них засмеялся и сказал: «Да ты что?! Какая из неё Дженни?! Ты только посмотри на эту морду... Нет, ей нужно имя сильное, мощное, желательно с рычащим звуком, чтоб не лилось, а летело... Чтобы моментально резало слух и обрубало нечистые намерения, чтоб было понятно сразу, с кем имеешь дело... И чтобы никаких, понимаешь, этих самых розовых соплей, достаточно с нас того, что она и так женского пола».

И тогда Она погладила меня по голове и сказала упрямо и даже с вызовом:

– Неправда, она очень-очень милая, стоит лишь увидеть эти щёчки, заглянуть в эти умные глазки, – и Она проделала тот фокус, которому впоследствии суждено будет стать для меня наивысшим проявлением любви, заботы и ласки. Она накрыла своими тёплыми ладонями мои уши, ласково улыбаясь, покачала в руках мою голову, наклонилась и заглянула мне прямо в душу. Да так с тех пор в ней и осталась. Навсегда. Больше там ни для кого места нет. И уже, понятно, не будет.

Тогда я этого ещё до конца не осознавала, поскольку была мала, но даже в тот период, глядя на Неё неотрывно, слушая Её голос, я уже догадывалась, что это лучшее, что могло произойти в моей жизни. И этого уже ни изменишь. Так просто есть. И так будет до самого моего конца. А его, я думаю, ждать уже недолго. Тем более что мы не из породы долгожителей. Это просто факт, к которому я и мои сородичи относятся, уж поверьте, абсолютно нормально. То есть спокойно и с абсолютным пониманием всей сути происходящего. В отличие от большинства людей. Ведь мне не так уж мало лет. Шестьдесят с хвостиком. Хотя, знаете, это смотря с чем сравнивать, по собачьим, например, меркам, так мне даже и девяти лет ещё не исполнилось.

С домом, в который меня привезли в трёхмесячном возрасте, и где я живу всю жизнь, мы – ровесники. Хотя, это не дом, в прямом смысле слова, это коттедж. Я знаю, что для многих людей – это имеет значение. Но только не для Неё и не для меня. Она искренне любит свой дом, и я увидела в ней это сразу. И мне это очень понравилось, потому что чрезвычайно важно. Если человек любит и уважает свой дом, если ему хорошо в нём и покойно, он вряд ли будет предосудительно себя вести и сознательно причинять вред, находясь в чужом. Я, например, с ходу определяю по любому, случайно или намеренно зашедшему к нам человеку или животному, есть ли у него вообще свой дом, а если есть, то любит он его или нет. А вот дом это или коттедж, для меня так вообще никакой разницы: главное, что у меня есть Она. А ещё моя собственная крыша над головой, с двумя тёплыми и сухими комнатками, и даже мои личные железные ворота, которые закрываются вслед за мной, по мере надобности. В основном, тогда, когда в дом приходят чужие. Ну не люблю я их, ничего не поделаешь. К тому же, это, помимо всего прочего, входит в мои обязанности, реагировать на посторонних.

Всех людей я делю на три, совершенно неравномерные и, разумеется, неравноценные группы, а именно: **1. Она** (здесь нет, и не может быть никого больше); **2. Те, кто не слишком важен** (как правило, члены Её семьи);

3. Чужие (самая большая группа, потому что в неё входят все остальные).

Отдельной, отнюдь не дружелюбной группой, идут коты всех мастей и, особенно, собаки. Да, вот такая ирония судьбы.

Хотя с котом, однажды, я дружила. Да, был в моей долгой жизни и такой период. Она принесла откуда-то котёнка отвратительно рыжего цвета. Но Ей это обстоятельство, видимо, даже нравилось. Потому что Она так и назвала его – Рыжий. Но справедливости ради, надо сказать, что кот этот по характеру выгодно отличался от остальных представителей своего бесцеремонного и наглого рода. И несмотря на свой довольно вызывающий окрас, имеющий, кстати говоря, как и всё семейство кошачьих, тоже весьма дурную репутацию, вёл себя довольно прилично. Он не орал, не лез в дом без спроса, не попрошайничал, слишком явно не воровал, и вообще был тихим и весьма интеллигентным. Так что у нас завязались весьма скоро приятельские отношения.

Кот мне даже нравился, тем более, мне было приятно, что Ей доставляет удовольствие наблюдать за нашим общением. Хотя поначалу Она это не очень-то одобряла, так как переживала за Рыжего. И с какой, спрашивается, стати? Виноваты во всём, я считаю, глупые предрассудки. Ну не съела бы я его, в самом-то деле! Хотя пару раз слегка потрепала, было дело. Но он не был в обиде, понимал, значит, что я обязана следить за порядком. И даже несколько раз, в плохую погоду, он шёл ночевать ко мне. А я пускала, мне не жалко, если ты себя порядочно ведёшь, то и к тебе соответствующее отношение. А потом с Рыжим произошло что-то плохое, он не сказал, да это было и неважно. Мы вообще очень редко пользуемся словами. У нас гораздо лучше развита другая коммуникация. Мы говорим на языке сердца. А в ту ночь, Рыжий приковывался ко мне на трёх лапах, окровавленный и дрожащий, забился в угол и вскоре умер. Да, вот такая история про то, как я дружила с котом. Я, Берта, представительница старинного итальянского рода: рослая, статная, с широкой грудной клеткой и отлично развитой мускулатурой, с тяжёлой поступью и грозными висящими брылями, которые уж казалось бы, сами по себе, каждому взглянувшему на меня или услышавшему мой «ангельский» голосок, должны были бы дать понять, что им здесь не рады, не брезговала общением с беспородным, к тому же, рыжим котом. Признаюсь, я и сейчас иногда вспоминаю, как мы сидели с ним в моём деревянном домике и слушали дождь, который настойчиво стучал по железной крыше, словно просился в гости. И было нам так хорошо молчать каждый о своём, особенно если я знала, что Она тоже дома и Ей ничего не угрожает.

И сейчас, бывают дни, когда сердце моё наполняется печалью до такой степени, что мне хочется выть, потому что я много чего знаю, а ещё больше чувствую. Хотя вообще голос я подаю довольно редко. Не таких мы кровей, чтобы брехать понапрасну, как некоторые, да что там далеко ходить, мои соседи, к примеру. Но вот недавно был, так сказать, прецедент. Она уехала. На целую неделю. И поручила меня тем, из второй группы, кто не так важен. Меня, разумеется, ежедневно навещали, приносили еду и оставляли чистую воду. Но это было совсем не то. Нет, Она и раньше уезжала, но сейчас кое-что изменилось... В первую очередь, я сама... Мне вдруг стало страшно... Первый раз в жизни. Я подумала, что уйду туда, куда ушёл Рыжий, и откуда летят к нам холодные белые мухи, и не увижу Её. Не почувствую Её руку на своей голове и не услышу Её голос. Единственный из всех звуков на этой планете, который мне по-настоящему дорог. И тогда я стала заводить свою песню. Так мне было легче переносить разлуку, когда становилось совсем неважно. Когда моё сердце наполнялось печалью и тоской до такого предела, что казалось, сейчас оно разорвётся на десять тысяч лоскутков, я начала петь. А когда грустная песня просится сильнее всего наружу? Правильно, конечно же, ночью. Наверное, ей сообщил кто-то из соседей о моём ночном соло. Потому что Она вернулась раньше, чем намеревалась. И я была счастлива, хотя видела, что Она недовольна. Но мне было всё равно! Пусть ругает, пусть, зато мы снова вместе. И я не буду совсем-совсем одна, когда придёт мой час. А он приближается, я знаю. У меня неважное здоровье: я почти ничего

не вижу, плохо слышу и уже еле хожу. Она даёт мне таблетки, какает глаза, а затем кладёт ладони на мою голову и говорит:

– Ничего, Берта, ничего старушка, прорвёмся. А я смотрю на Неё и, конечно же, соглашаюсь, хотя знаю, что от старости и немощи лекарства нет. Она смотрит мне в глаза, а я смотрю в Её. И не могу насмотреться. Так было всегда, я вообще не вижу никого кроме Неё. Я хорошо отношусь к тем, кто не важен, только потому, что Она любит их. Но если я не увижу больше этих людей, ни разу в жизни, я это вряд ли даже замечу. Если я пойму, что не увижу Её, я умру сразу, причём совершенно сознательно... И в этом нет никакой трагедии или упаси бог, позёрства. Нам это не свойственно, вы же знаете, наверное. Это всего лишь факт. Мне просто незачем будет жить. А что может быть ущербнее и несчастней жизни, лишённой смысла?!

Я знаю, что скоро опять придёт стылая, угрюмая скорбь, люди называют это время зимой. И я вряд ли переживу её... Пожалуй, не в этот раз...

Зачем я решила поделиться своими мыслями? Кому это интересно, могли бы вы у меня спросить. Тем более что я не выдающаяся личность. Я не спасала утопающих, я не отыскивала чересчур самонадеянных альпинистов в заснеженных горах, я не вынесла испуганного малыша из горящего дома, я даже, страшно сказать, ни разу не была матерью. Она говорит, что не нашлось для такой родовитой невесты подходящего и не менее породистого принца. Я всего лишь стою на страже этого дома. Потому что не могу допустить, чтобы с ним или с Ней случилось что-то плохое. А ещё, когда-то в молодости я катала на санках маленького сына той, кто не так важен. А Она смотрела, хвалила меня и смеялась. И мягкий снег, который в тот день кружился в воздухе, был Ей очень к лицу.

А ещё я точно знаю, что такое Любовь. Истинная, чистая, бескорыстная и вечная. Потому что это именно то, что я чувствую, когда она гладит меня по голове или заглядывает в мои глаза. И это останется с нами навсегда, это останется в Ней... Даже, когда я уйду... Потому что Любовь не умирает. И вот об этом я хотела бы сказать, если бы могла. Вот что я желала бы испытать каждому. Независимо от того, кто ты. Даже если ты всего лишь собака...

И вся любовь...

1

Ли́ка всегда была хорошенькая. Даже в кошмарный пубертатный период, примерно, с 12 до 16, когда кажется, что твоё собственное тело решило объявить тебе нешуточную войну и ежедневно грозит гормональным взрывом, она оставалась ладненькой и симпатичной. В отличие от большинства ровесниц, у которых, то лицо покрывалось малиновыми прыщами, то предплечья противной гусиной кожей. Кто-то за лето вымахивал в росте и походил на бравого гвардейца, а у кого-то грудь вдруг вырастала до четвёртого размера, а в комплекте с очками, угревой сыпью и острыми лопатками, это, знаете ли, смотрится, как минимум, странно.

А у Ли́ки в этом отношении всё было в порядке. Она в этом уверена. Ну и потом, есть же фотографии и даже видео. А самым главным показателем того, что она выглядела отлично, были, конечно, представители противоположного пола. Нет, не мальчишки-сверстники, б-р-р-р, боже упаси! У них дела, в смысле внешности, обстояли ещё хуже, чем у её одноклассниц. Долговязые, лопоухие, не имеющие представления, что им делать со своими руками и ногами, с мерзкими редкими волосками на хлипких подбородках, а запах.... Кстати, с внутренним содержанием у них тоже были большие проблемы.

Нет, Ли́ке всегда нравились ребята постарше. Как и она им, собственно. Например, Вадик из 11 класса, спортсмен и красавчик, с которым она встречалась почти что весь год в восьмом классе. Когда Ли́ка наблюдала за его игрой на школьном стадионе, где они с Риткой имели обыкновение прогуливать алгебру, он нисколько не смущаясь своих приятелей, махал ей рукой и кричал: "Привет, куколка!" Вот так-то.

Так что Ли́ку всё устраивало в её юной и красивой жизни. Всё, кроме имени. Вообще-то её полное имя Анжелика. Ли́кой она решила называться в 14 лет, после того, как этот гад, Вовка Васильев, самый отстающий одноклассник, к тому же толстяк и вонючка, во всеуслышание заявил после физкультуры, что именем Анжела, представляется каждая вторая проститутка. И громко заржал при этом, оглядываясь на пацанов, как бы приглашая их присоединиться к его веселью. Конечно, Ли́ка слегка всплакнула, но только в школьном туалете, утешаемая верной, но некрасивой Риткой. Даже мелькнула мысль пожаловаться Максy, с которым она тогда встречалась, но Ритка её отговорила. Ли́ка прислушалась, (то есть тогда, она ещё, конечно, была Анжелика), ведь Ритка умная. – Смотри, сказала подруга, – чтобы не получилось наоборот, прилипнет ещё прозвище. Это, добавила Ритка, очень часто именно так и работает.

А мимо одноклассников и, особенно, этой скотины Васильева, Ли́ка прошла с высоко поднятой головой. Да! Даже вида не подала! Ещё чего не хватало! Ни-ни... Ну ещё, правда, дома высказала матери со слезами, зачем, мол, таким дурацким именем назвала.

– Красиво, – пожалала плечами мать. Но не стала рассказывать про Анжелику, которой зачитывалась в 90-х, и всю эту книжно-любовную эпопею про великолепную куртизанку и просто красавицу. И про то, что "Анжелику-маркизу ангелов" читала уже, будучи глубоко беременной, тоже дочери решила не сообщать.

– Красиво... – передразнила её Ли́ка, – Тоже мне знаток прекрасного в фартуке и с поварёшкой! Мать у Ли́ки работала в столовой № 17, поваром, и Ли́ка этого ужасно стеснялась, – Ты что хотела всю жизнь мне испортить? С сегодняшнего дня, я – Ли́ка, ясно тебе? Никаких Анжел... Вот так Анжелика и стала Ли́кой.

А в остальном, всё складывалось отлично. Новое имя ей очень шло, оно быстро и как-то незаметно прижилось, а к моменту окончания школы, про "Анжелу" не вспоминал даже двоечник Васильев. Когда она первой из класса вышла замуж (про такое замужество говорят, "выскочила") – никто даже не удивился. Это, как бы предполагалось само собой. Учительница математики, чьи уроки Ли́ка безбожно прогуливала, встретив её как-то в городе, так и сказала:

"Ну, кто бы сомневался!". И посмотрела на неё с какой-то даже жалостью, что ли. И ещё что-то такое было в её взгляде, что очень не понравилось Лике. Так смотрят на человека, которому помочь уже ничем нельзя. По крайней мере, Лика именно так восприняла взгляд этой "серой мыши и старой девы", как про себя она назвала учительницу.

Но не такой Лика была человек, чтобы так просто можно было выбить её из колеи. Она тряхнула волосами (цвет: платиновый блондин!) и пошла себе дальше по великолепной дороге жизни. Она красавица и умница, у неё молодой симпатяга-муж, весёлый и добрый. И скоро у них будет ребёнок! Они так любят друг друга! А что ещё нужно в её семнадцать-то лет... Лика была уверена, что для огромного и безоблачного счастья, у неё уже всё есть...

2

Когда через год Лика развелась с мужем и вернулась с полугодовалым сыном к маме, она всё равно не очень переживала. Так как знала, что это положение временное. Ну в том плане, что слишком уж долго задерживаться у мамы она не собиралась. Как говорится, не тот случай. Тем более, что ей не то что переживать, радоваться нужно было, что наконец отделалась от этого бездельника, уверенно шагающего по тропе, ведущей к хроническому алкоголизму, мужа № 1 Лёши. А что ещё оставалось делать, если этот человек, к слову говоря, не имеющий ни кола, ни двора, да и не стремящийся к этому, целыми днями проводит время с приятелями и пивом. Или с телевизором и пивом. Или с пивом и сигаретами. Одна составляющая всегда была неизменна. Это спиртное. И, вдобавок, что-то ещё. А если это "что-то ещё" вдруг отсутствовало, то, значит, это был просто алкоголь. Такое положение дел его устраивало гораздо больше, чем, например, приятели, телевизор, жена с ребёнком, сами по себе, без сопровождения напитков, содержащих этанол. А Лике, понятно, такой расклад как раз не нравился. Муж не только не помогал с ребёнком, а даже не хотел устраиваться на работу. – Мне, – говорил он, хватает! Лике не хватало, поэтому она ушла, и вскоре, развелась.

"Свято место пусто не бывает", муж № 2, Дима, был тоже тоже хорош собой: русоголовый, голубоглазый, косая сажень в плечах, да ещё родом откуда-то с Западной Сибири. Он в Ликин город приехал с двумя приятелями на заработки. Да так и остался, поскольку неожиданно женился. Понятное дело, на нашей красавице. Свадьба, конечно, была гораздо скромнее предыдущей, но тоже ничего себе: красивые машины, белое платье, кольца и свидетели. Только вместо ресторана, стол уже накрыли дома. Дмитрий, не в пример, первому Алексею, был спокойный, трезвый и работающий. Работал он с земляками своими на каком-то огромном загородном комбинате, по переработке минеральных удобрений, или что-то в этом роде. Лика не слишком, собственно, вникала, она тогда, наконец, поддавшись на уговоры матери, поступила в какой-то невнятный коммерческий вуз, а по вечерам, оставляя сына Ванечку маме, подрабатывала официанткой. Через полгода на комбинате начались сокращения и наших троих сибиряков, взяли и сократили. – Спасибо, – сказали им, – Больше в ваших услугах не нуждаемся. – А как же мы? – наверное, спросил у них Дима и сотоварищи, – А как хотите, нам своих работяг девать некуда, а вы иногородние, вообще-то.

После этого, Дима как-то очень явно заскучал по своей малой родине, по отъехавшим в ту сторону приятелям... И даже всё чаще стал вспоминать маму, бабушку и большую сибирскую реку, рядом с которой раскинулся его любимый город. Дима прямо сильно измельчал, как заметила Лика. И казался ей уже не таким интересным, а откровенно говоря, даже слегка недалёким. Просто раньше это почему-то так не бросалось в глаза. А ещё Дима оказался эмоционально холодным, а если точнее, то "эмоционально тупым". Есть такой термин, между прочим. Вполне себе официальный. В быту это проявляется так: вы вместе, например, смотрите классную комедию, смеётесь и хотите, разумеется, увидеть реакцию или даже обсудить особенно удачные моменты с близким человеком. А он как бы даже не понимает, в чём, собственно дело. И даже переживает, всё ли с вами в порядке. Ну и всё в таком духе. "Хм" – иногда вырывалось у Лики. А ещё она думала "Ну почему опять?" или "Вот же, блин, засада, а Димасик-то, по

ходу, тормоз"... Ну или что-то в этом духе. Тем более, что на работу устраиваться Дима не спешил, всё ждал, может быть позвонят обратно на комбинат. Им, типа, обещали. -Если, что, ребята, мы вас тут же возьмём обратно. Просто нужно выждать, когда закончится кризис. А Лика ждать не хотела. Что-то ей подсказывало, что кризис может затянуться. Тем более, она же не вчера родилась. Да в придачу жила в стране, которая из этого состояния, похоже, вообще, не выходила. Поэтому, когда Дима решил съездить домой (на пару недель, буквально), но при этом, почему-то с собой Лику не звал, она вздохнула и сказала, что он может не торопиться с возвращением...

3

После второго развода, Лика решила немного выдохнуть, оглядеться по сторонам, и прикинуть, так сказать, что к чему. Присутствия духа при этом она не теряла, хотя такой непоколебимой уверенности в собственной непогрешимости, как после первого развода у неё, почему-то, уже не наблюдалось. На это, помимо всего прочего, повлияло известие о женитьбе её первого мужа, его прекрасном самочувствии и даже некотором процветании. Чего как раз, насколько Лика могла судить, никак нельзя было ожидать от этого парня. Но долго огорчаться она не могла, да и не хотела, не такой она была человек. Тем более, что ей позвонила Ритка, закадычная подруга детства, которая жила и работала сейчас в другом городе и в который раз закричала в трубку: "Ты долго сидеть собираешься в этом нашем Мухосранске? Ты упускаешь столько возможностей! Приезжай сюда, это город, в котором сбываются мечты, понимаешь? А в нашем Урюпинске мечты приходится лишь хоронить, причём заживо..."

—А что?— подумала Лика, положив трубку, — предложение не такое уж и сумасшедшее. Сыночек Ванечка в то время уже ходил в садик, мама души в нём не чаёт, и сама говорит, чтобы дочка устраивала свою жизнь. Училась она заочно, так что, в самом деле, что её здесь держит? Надо расширять горизонты, нужно строить карьеру, пора, в конце концов, становится на ноги, а не продолжать жить в своей бывшей детской комнате, то с одним мужем-неудачником (тут Лика ненадолго осеклась, вспомнив про личные и профессиональные успехи бывшего мужа, которые случились, аккурат сразу после развода с ней), то с мужем-гастролёром. Так, вероятно, думала Лика, садясь в поезд, уносящий её в новую, прекрасную даль. Работа мечты, надо сказать, в мегаполисе не слишком-то отличалась от того, чем она занималась дома. С той только разницей, что через год она работала уже не официанткой, а администратором в небольшом ресторанчике.

Егор был высоким (под 2 метра), стройным шатеном с независимой жилплощадью и иномаркой. Но подкупало не это, вернее, не только это. Егор был взрослый в прямом и переносном смысле слова. Самодостаточная личность, с собственным, устоявшимся взглядом на окружающий мир, людей и себя самого. Они стали встречаться. Было ему на тот момент под тридцать, женат он не был и честно сообщил Лике, что, по крайней мере, в ближайшей перспективе на этот скользкий шаг, сподвигнуть его сможет разве что смертельная угроза. — И ещё, — предупредил Егор, — дети мне не нужны. Никакие вообще. Ни свои, ни тем более, чужие. Лику его честность только подкупила. Тем более, что такую позицию она где-то даже разделяла и поддерживала. Она заиграла карими глазами, откинула назад свои великолепные волосы (цвет: скандинавский блондин), счастливо вздохнула и мурлыкнула, что согласна. На следующий день Лика переехала к Егору. И поначалу всё было неплохо. Егор работал водителем-экспедитором в загородном развлекательном центре. И устроил туда же свою гражданскую жену Лику. Работа была, по преимуществу, ночная. Поскольку, администрация этого заведения не только закрывала глаза на некоторую нелегальную деятельность, но даже всячески её поощряла, денег стало в разы больше.

А вот радости и удовлетворения гораздо меньше. Отношения их Егор всё так же не собирался переводить в официальную плоскость. Кроме того, даже негодовал по поводу некоторых робких Ликиных намёков и воспринимал это просто, как предательство:

– Мы же договаривались! Я ведь честно предупреждал! Но, как выяснилось, честный Егор предупредил не обо всём. Кое о чём, слегка, так сказать, умолчал. Например, о случаях у него, что называется, редко, но метко, запоях. О своей прогрессирующей, по этой, вероятно, причине, пардон, мужской несостоятельности. И о том, что в теневом бизнесе, который процветал в этом центре, он занимал, оказывается, далеко не последнее место. И даже активно занимался его развитием и популяризацией. Например, в части, касающейся торговли живым товаром. И не видел ничего дурного в том, чтобы его женщина принимала во всём этом самое горячее участие. Кроме того, время, шло Лика взрослела, и хотя мама с Ванечкой жили теперь в одном с ней городе, этого нашей героине, было явно недостаточно. Хотелось, чтобы была настоящая семья, чтоб её ребёнок жил с ней. Хотелось покоя, стабильности и, конечно, любви... Лика устала от вечно прокуренных залов, ночного образа жизни, нелегальных игровых автоматов, пьяных, развязных посетителей, и от Егора, достающего в лёгком подпитии из кладовки огромный портрет Ленина, верный признак начинающегося тягучего и страшного запоя...

4

Алик посмотрел на неё очень внимательно и без улыбки, совершенно серьёзно сказал: "Сейчас заедем к этому уроду, ты соберёшь свои вещи и я везу тебя к себе". С Аликом они познакомились на Риткиной свадьбе. И после этого, он, буквально, не давал Лике проходу. Она засыпала и просыпалась со звуком его голоса в телефоне. Лика впервые чувствовала растерянность. От его напора, признаний, ухаживаний и комплиментов кружилась голова. Лика даже уставала. С другой стороны, такой внимательный и надёжный, такой умный и заботливый... Ей так давно не хватало этого! Егор, с которым прожила три года, в последнее время всё больше деградировал и начал превращаться в хмурого, с участвующими запоями социопата. Как раз во время одного из таких её размышлений, вдруг позвонил Дима и сказал, что открыл собственный бизнес в сфере автосервиса, небольшой, но дающий стабильный доход, что думает расширяться, так как дела идут хорошо... И ещё, что очень скучает, и всё чаще думает, что они поторопились... Лика бесстрастным голосом закончила разговор, и закусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, положила трубку.

– Ну что со мной не так? – спрашивала она Ритку, – Почему мужики, как только женятся на мне, тут же складывают лапки и начинают паразитировать? Счастливая и похорошевшая после недавнего замужества, Ритка, выдержала паузу, со вкусом потянулась и, наконец, мягко выдохнула:

– Выходи за Алика! Он так тебя любит, и мужик, что надо, – она вскинула голову и подмигнула Лике, – не то, что твой Егорушка ущербный, даром, что под два метра... Она задумалась и улыбнулась, – Алик и Лика, звучит! А может это судьба!?

Всё решила фраза Алика, который сказал, что как только они поженятся, Ваню от мамы нужно забрать, негоже ребёнку жить без матери. Лика почувствовала, что снова готова заплакать.

Свадьбы никакой не было. Были только они и приятель Алика, свидетель. У невесты свидетельницы не было, Алик, тщательно рассмотрел все кандидатуры и вынес вердикт, что все они проститутки.

– Надо безжалостно и окончательно порвать с прошлой жизнью, – сказал он. Ничего мы не будем тащить в наш новый, прекрасный мир.

Мать на свадьбу не пошла. Сказала, сколько можно, в конце концов? В смысле, смешить людей. И вообще, противный он, – сказала мать, – скользкий какой-то, куда, говорит, дочка, ты снова голову суёшь?

Алик был дотошен и суров. Он решал, как Лике одеваться, как себя вести, куда ходить, и ходить ли вообще. Жили на квартире. Работал Алик риэлтором, а когда сделок долго не было, (а их всего-то было парочка за два года, а это вся их совместная жизнь), становился таксистом

фирмы "Максим". Причем на арендованном автомобиле. Очень скоро Лика поняла, что беременна. Алик как будто обрадовался... и утратил бдительность. Он вообще оказался диктатором и тираном. После того, как Лика родила второго ребёнка отношения с мужем только ухудшались. Он контролировал всё. А когда у него не получалось это делать, страшно кричал на Лику и не раз поднимал руку. Старший сынок Ванечка ненавидел его и боялся. Положение усугубилось, когда у Алика начались проблемы с наркотиками. Из-за которых его, в конце концов, и посадили. Лика вздохнула с облегчением и привычно подала на развод.

Она вернулась к маме уже с двумя детьми и решила не выходить замуж. По крайней мере, в ближайшее время. Нет, ну там был один промежуточный молодой человек, с которым у Лики были серьёзные отношения. Очень милый, правда. Но, к сожалению, игроман. Вот так как-то тоже не сложилось.

Ритка смеётся, что у неё не мужа, а разноцветный букет зависимостей. Лика не обижается. Она вообще не обидчивая и не злопамятная. Она лёгкая и солнечная. И такая же красивая, как раньше. Ну может волна из волос, не такая огромная и густая, как прежде.

Она давно закончила университет и теперь работает в одной, довольно известной туристической фирме. И сама была за границей несколько раз. Но больше всего ей хочется поехать куда-нибудь, да всё равно куда, с ним. Одним и единственным. Самым любимым.

Я недавно встретила Лику. Она снова замужем. И снова счастлива. Его зовут Сергей. Он любит её, и прекрасно ладит с детьми. Сергей большой и добрый... – Может быть слегка простоват, – смеётся Лика. Но на сегодняшний день её всё устраивает. И жизнь снова прекрасна и замечательна. Как, впрочем, и всегда...

Глухонемая душа

Зинаида выглянула за калитку. Так и есть, глухонемая соседская девчонка снова здесь, и её Санька, конечно же с ней! Ну просто наваждение какое-то, честное слово! Как они общаются вообще? Она наблюдала иногда за ними, но всё равно не могла понять, что общего может быть у этих десятилетних детей. Её сын Саша – умный, красивый мальчик, такой ласковый, внимательный и добрый, и эта Катя, приехавшая со своего интерната на каникулы, – долговязая, тощая и нервная. Вон как машет руками, что-то изображает на своём этом языке жестов и оба хохочут. Санька – ладный, белозубый и стройный, в начале июня уже загорелый, смеётся звонко и искренне, и эта, господи прости, запрокинула голову, кое-как приляпанную к тощей, жилистой шейке и зашлась в беззвучном придыхании.

Зина вздохнула и пошла в дом. Как бы там ни было, а не хочет она, чтобы её младший сын, тайная гордость, душа и отрада материнская, посланный им с мужем на четвёртом десятке в награду за их терпение и страдания, дружил с этой девчонкой, которая почему-то жутко пугала её. Придёт во двор и стоит, смотрит. Глаза у неё до жути странные: большие зрачки в тёмно-зелёной окантовке. Зина и не встречала таких вовсе. Спросишь её, жестом, чего, мол, тебе? А она смотрит внимательно и удивлённо, будто пытается сказать, что неужели непонятно, кто мне нужен и на дом показывает, вроде как, Саша там, позови, мол.

Когда дети были совсем маленькие, Зинаида так не беспокоилась. Ну, играют друг с другом малыши, да и ладно. А когда Санька подрастать стал, а дружба их, которая зародилась с первого дня, как соседи, родители Кати, купили дом на их улице, только крепче становилась, Зинаиде становилось всё больше не по себе. Да ещё, свекруха, царствие небесное, глядя на этих детей, как-то обронила:

– Гляди, Зинка, увечные они и есть самые опасные... У них сила особая, внутренняя, привяжет нашего Саньку к себе намертво, попомни моё слово...

Зинаида уже и с мужем беседовала, ему эта ситуация тоже не шибко-то нравится, да только он считает, что она опасность малость преувеличивает. Что тут скажешь, разве мужик может до конца понять и прочувствовать, так как она. Её тревогу за сына, её боль, её опасения. Как она сыночка-то своего на коленях ночами стоячи у бога вымолила. И послал ведь! После трёх-то дочек! А Володе начинаешь говорить, что нужно меры какие-то принимать, а он "И чё?" А ну, как подрастут да поженятся? Будет потом тоже спрашивать: "И чё?!", глядя на глухих да немых внуков?! Чёкалка чёртова. Она плюнула и решила поговорить с Сашей. Он же умничка, в конце концов, должен понять, что не нужно ему дружить с Катей.

Санька смотрел на мать округлившимися глазами, почти с таким же удивлением, как его подружка:

– Мам, да что ты!?! Катя – мой друг, самый лучший, понимаешь? Я всегда буду с ней дружить, ты просто не знаешь, какая она хорошая...

Ну всё, промелькнуло в голове у Зинаиды, приплыли, что называется. Так она и знала, да и свекруха, ведьма старая, как напорочила перед смертью... Вот что теперь делать?! "Я всегда буду с ней дружить..." – всё билась раненой, обезумевшей птицей, сказанная сыном фраза. Она Саньку своего знала и очень хорошо чувствовала. Он верный, надёжный и страшно ответственный. Об этом ей и учителя постоянно говорят. А ещё у него, у мальчишки, уже и сейчас вполне сформированный, "мужской" характер. Если пообещал, значит сделает. Например, он легко и свободно "разговаривает" с ней с помощью жестов. Катя, будь она не ладна обучила, легко и незаметно, да и Санька ведь смывленный, всё на лету хватает...

Ничего не поделаешь, придётся идти к родителям этой самой Кати. Они у неё обычные, в том смысле, что слышат и говорят, а вот с дочкой такая беда приключилась, какая-то там внутриутробная инфекция, что ли. Зинаида и пошла. И даже не один раз. Просила, объясняла

и даже угрожала... Я, мол, всё понимаю, ребёнок у вас больной, такое несчастье, не дай бог, у меня-то самой три дочки, я знаю, но растолкуйте своей Кате, пожалуйста, что не нужно больше к нам ходить, ну не стоит им дружить, вы же понимаете... Они поняли, хотя и не сразу... В последний раз, когда Санька с Катей, уже в конце лета, убежали на речку, а она хватившись сына, увидела их там, мокрых, улыбающихся, сидящих молча, тесно прижавшись друг к другу, она не выдержала! Во-первых, ещё не было такого, чтобы Санька ушёл куда-то, не предупредив мать или отца, это всё её, Каткины штучки! Во-вторых, что это ещё за посиделки такие в одиннадцать лет? (у них и дни рождения у обоих в августе). В-третьих, ну просила же, по-человечески, по-хорошему! Ну что ж вы за люди такие!?

Она так и сказала им, Катиным родителям. Чтоб больше духу не было вашей ушлой девицы возле моего Саньки, ясно? А не то....

Её больше и не было. Никогда. По крайней мере в Санькиной жизни. Да и в нём самом как-будто этой самой жизни стало меньше. Нет, на первый взгляд, всё вроде оставалось так, как прежде, только Зина больше ни разу не слышала того открытого, искреннего и заразительного смеха своего сына. И ещё казалось, будто в глазах его взял и потух свет. Через несколько дней Катя отправилась в свой интернат, а потом семья и вовсе переехала в другой город.

...Сейчас Саше уже сорок лет. Он так и не женился. Его старшие сёстры давным-давно матери и бабушки. А он живёт в большом, добротном, родительском доме вместе со своей мамой. Папы уже нет... Саша единственная надежда и опора уже очень пожилой Зинаиды. Впрочем, как всегда. Он такой же заботливый и внимательный... Только одинокий и всегда немного грустный... Даже когда улыбается...

Раненое сердце

Валентина знала, что её, мягко говоря, недолюбливают. В особенности, коллеги и студенты. Первые ненавидят, вторые боятся. И ненавидят, кстати, тоже. Ну ещё соседи, само собой, дикари и свиньи редкостные. Продавцы в магазинах, в которых она была больше двух раз, тоже. А ещё участковый, которого она затерроризировала своими жалобами на соседей. Родственники нет, не ненавидели, хотя побаивались, конечно тоже. Но, во-первых, всех родственников – родители, да брат-неудачник, во-вторых она с ними общается всего-то несколько раз в год, по большим праздникам, в третьих, слава богу, живут они в разных городах, и даже в разных регионах.

Так что Валентина Васильевна, как человек образованный, умный и весьма проницательный, была, так сказать, на предмет отношения к себе, в достаточной степени осведомлена. Иногда, особенно нервные и малообразованные граждане сообщали своё мнение о ней, тут же, строго говоря, не отходя от кассы. То есть непосредственно ей, Валентине Васильевне, объекту своего возмущения. Думая, вероятно, что таким образом смогут донести этой холодной и высокомерной женщине свою мысль о невозможности такого, как у неё отношения к людям и, откровенно, ежотекото; недопустимого поведения. И поспособствовать, тем самым, переосмыслению Валентиной Васильевной, своей жизненной позиции в целом.

Но такая людская наивность, чтобы не сказать, глупость, Валентину Васильевну, скорее, забавляла. И уж, разумеется, она несколько по этому поводу не расстраивалась. Ещё чего! Это все остальные пусть переживают. А она бисер метать, перед определёнными животными, уж точно не будет.

... В своё время, Валентина параллельно с музыкальной, окончила общеобразовательную школу с золотой медалью, затем университет с красным дипломом, блестяще защитила кандидатскую и докторскую диссертации. В то время о котором идёт речь в нашем повествовании, Валентине Васильевне Титаренко, было слегка за сорок, она являлась зав. кафедрой мировой художественной культуры в Институте искусств и сама блестяще владела двумя инструментами.

Замужем не была никогда, как-то обмолвившись, что это её сознательный выбор. Я тогда посмотрела на её бесстрастное, холёное лицо, с почти безупречными чертами, и подумала, что так оно, вероятно и есть. Пожалуй, излишне упоминать, что детей у неё тоже не было.

Про неё рассказывали безумные вещи, которые не всегда укладывались в голове. Например, всех входящих, в её кабинет, она заставляла разуваться, поскольку на полу, по её словам, лежал настоящий персидский ковёр. И вообще вся мебель в кабинете была эксклюзивной, и обставлен он был в полном соответствии с её высокими требованиями и безупречным вкусом. Она никогда не ставила студентом "отлично". Из принципиальных соображений. На "пять" говорила она, этот предмет даже я не знаю. Зачёты и экзамены ей пересдавались бесчисленное количество раз.

В образовательных кругах нашей республики долго ходили байки про диссертационный совет, который был разгромлен, выставлен на всеобщее посмешище и, в конце концов, закрыт, исключительно её стараниями. Её кляузами, жалобами, докладными записками и анонимками, не оставляющими сомнения в их авторстве были завалены, как республиканские, так и общероссийские министерства образования и культуры. За время её трудовой деятельности, благодаря неустанной заботе Валентины Васильевны, в институте сменилось четыре ректора! Из них только один уволился сам. Остальные трое, в порядке живой очереди, были сняты, в связи, ...с э-э, утратой доверия.

Уволить? Уволить Валентину Васильевну мечтала даже техничка, которой она с возмущением совала в нос свой белоснежный платок, громко и откровенно демонстрируя результаты

проведения им по подоконнику. Этих платочков имелось у неё множество. Говоря откровенно, они с этой целью ею и приобретались. Но, увы, уволить её было практически невозможно. Работу свою она выполняла безупречно. Приходила раньше всех, уходила позже всех. Документация и вся отчётность по кафедре были идеальны. Да и специалистом Валентина Васильевна являлась первоклассным. К тому же, кто бы взял на себя такую смелость?

В магазине она могла устроить грандиозный допрос с пристрастием, с привлечением не менее пяти свидетелей и администрации из-за пачки творога, с нечётко пробитой датой изготовления. Однажды я была свидетелем, как глядя на плачущую продавщицу, она, сверкая голубыми, прозрачно-ледяными глазами, своим чётко поставленным голосом и безапелляционным тоном произнесла:

– Вы напрасно плачете. На меня это не действует я не эмоциональна... Нужно выполнять свою работу профессионально, ясно вам? Или не заниматься ею вовсе! Идите мести улицы, хотя для этого тоже необходима определённая сноровка, которая у вас, судя по всему, напрочь отсутствует...

... Однажды после какого-то совещания, мы с ней разговорились, обсуждая тему мероприятия. Речь там шла о воспитании. Валентина Васильевна усмехнулась и рассказала, что, когда ей было четыре года, родители привезли её в село к бабушке, а на следующий день, рано утром уехали. Куда-то на заработки. Бабушка вспоминала, что она звала маму и папу шесть дней кряду и всё это время безостановочно плакала. А потом замолчала. Перестала плакать и перестала искать. Больше она не заплакала ни разу в жизни. Никогда. И никогда никого не ждала, и тем более, не искала. Через полгода родители вернулись. Маленькая Валя спокойно посмотрела на этих почти незнакомых людей и ушла к своим куклам.

– Вот и всё воспитание, а вы говорите, – улыбнулась Валентина Васильевна, – Я сама себя воспитала, понимаете? Сама себя сделала! Я ведь решила, что меня оставили, потому что я не такая хорошая (умная, послушная, красивая), как моим родителям хотелось бы. И всю жизнь доказывала, и продолжаю доказывать, но только, наверное, уже самой себе, что я самая лучшая.

Я смотрела на эту маленькую, испуганную, оставленную самыми близкими и любимыми людьми девочку, спрятанную в теле ухоженной, красивой и бесконечно уверенной в себе женщины и думала о том, что как же это страшно и как, наверное, больно жить с израненным и растерзанным сердцем уже много лет и даже не догадываться об этом. Хотя для неё, вероятно, это незнание является спасением и своеобразной, искусственной заменой счастьем.

Рецепт семейного счастья

Представьте себе один портовый город в наши дни или, может, некоторое время назад. И вот живут там две семейные пары. Мужья – моряки, там и там по двое детей, словом, всё, как у людей. Жёны, напрочь опровергая некоторые стереотипы, сложившиеся в общественном сознании о сомнительном поведении жён моряков, своих законных супругов любят и хранят им верность. При этом, наши две пары ещё и дружат, так сказать, семьями. А мужья их несут службу на одном и том же судне. Когда мужчины уходят в рейс, их половинки поддерживают и помогают друг другу.

Вот как-то раз получают обе женщины телеграммы, встречай, мол, любимая, прибываю в наш родной порт, такого-то числа... Целуй детей, с нетерпением жду встречи, твой Василий. А у другой телеграммы, понятно, подпись была другая, Пётр, скажем. А что касается содержания, то, примерно, такое же. Потому мы его здесь, в целях экономии времени и места, приводить не станем. Вот женщины, со слезами радости, поспешили (они недалеко друг от друга жили) поделиться такой чудесной новостью, обнялись и стали, ясное дело, дожидаться своих ненаглядных.

Ну как дожидаться... Одна, назовём её Маша, жила себе, в общем-то, также, как и всегда. То есть припеваючи. Работала, получала второе высшее образование, два раза в неделю бегала в студию бального танца и в бассейн. На каждое воскресенье продумывала и затем воплощала вместе с детьми интересные экскурсии или походы. И обязательно встречалась с друзьями. Вполне возможно, и даже наверняка, она не всё и не всегда при такой насыщенной и активной жизни успевала по хозяйству. Но она не расстраивалась. И если не оставалось времени или сил приготовить, например, ужин, просто объявляла конкурс на самый вкусный, быстрый и полезный салат. Или, приготовленные по новейшему, только что выдуманному рецепту, сложные бутерброды... Дети её, кстати, были от таких решений в восторге.

Вторая, Ирина, вела себя совсем по-другому. Она – отличная хозяйка, заботливая мать и любящая жена. И такое Машино отношение к хозяйству и воспитанию, ей было, мягко говоря, непонятно. "То есть как это на ужин яичница по-мексикански? А-а, то есть, просто яйцо жареное вместе с помидорами???!!!" О, нет, это не для неё... У Ирины всегда первое, второе и десерт! И всегда бельё не только выстирано и выглажено, но и накрахмалено, вот как! И работает, она, между прочим, ничуть не меньше Марии. А всё остальное успевает, потому что всякой ерундой не занимается, которая не пристала вообще-то замужней женщине с двумя, на минуточку, детьми!

Вот, значит, прибывают наши brave моряки домой. Маша встретила своего мужа, примчавшись в порт прямо из салона красоты, в кокетливом платьице, свежая и прекрасная, как майская роза. Всё о чём позаботилась, Мария перед возвращением супруга, это детей на пару дней отвезла к маме на дачу, и взяла на работе отпуск за свой счёт... Ну и о себе, разумеется, тоже не забыла... Она, между нами говоря, о себе, собственно, и не забывала. Муж Василий закружил, зацеловал свою красавицу Мари и под грустные провожающие взгляды своих сослуживцев, обнял Машуню за плечи, прыгнул в такси и укатил вместе с женой. Дома был, конечно, бардак, ну что делать, вчера дети строили крепость вместе с мамой, а потом она отстреливалась от них всеми игрушками, которые только нашла... Убрать не успела... Но Вася ничего и не заметил... Он схватил Машку на руки ещё в прихожей, отшвырнул ногой, стоящий на дороге стул, и понёс свою драгоценную ношу немедленно в спальню...

Совсем другое дело – серьёзная и хозяйственная Ирина. Она, правда, не успела встретить мужа в порту, зато квартира после генеральной уборки блестела. Наготовлено было – всего не перечисль. Пётр, сойдя на берег, покрутился растерянно, сел на трамвай и поехал домой. А дома – двери настежь. Ирина домывает порог.

– Ой, Петенька, чуточку не успела, ну с приездом... – выпрямилась во весь рост потная, раскрасневшаяся Ирина в несвежем халате и бигудях.

Вошёл Петя в квартиру, чистота, ну загляденье просто...

– Как чисто, – сказал он печально, – И пахнет вкусно... Даже плюнуть некуда, а очень хочется, – вздохнул, развернулся и пошёл вниз по лестнице...

В ритме Сэлинджера

Одним июньским вечером, молодая женщина в кокетливом шёлковом халатике, только что, выйдя из ванной, сушила волосы феном и сосредоточенно разглядывала свежий маникюр. На вид ей было не больше 23-24 лет, и находилась она в собственной квартире в самом центре огромного города. Женщина выключила фен и нанесла на кожу лица крем из золотистой баночки. Когда она втирала крем в кожу рук, зазвонил её мобильник, оставленный на журнальном столике. Она не спеша направилась в зал, по дороге размахивая руками, давая возможность крему получше впитаться и с удовольствием опускаясь на роскошный, персикового оттенка диван. Только после этого, эффектно закинув ногу на ногу, хотя оценить красоту и элегантность этого жеста было совершенно некому, поскольку женщина находилась в квартире одна, и, болтая в воздухе домашней тужелькой с меховым помпончиком, она ответила на звонок:

– Здравствуй, доченька! Ну, как у вас дела, что нового?

– Привет, мам! В целом, всё нормально, но из той фирмы ответа пока нет, но Макс сказал это не так быстро, там такая конкуренция.. Ой, он такой классный... Ах да, я же тебе не сказала, моё портфолио уже почти готово... О, как вспомню, сколько фотосессий я прошла... Зато оно бесподобно, мамочка, я имею в виду, моё портфолио... Если бы только видела, хотя я надеюсь, что когда-нибудь ты его, конечно же, увидишь. Да, кстати, и завтра у меня ещё одно собеседование, пока не могу точно сказать где, чтобы не сплзнуть, но намекну, это имеет прямое отношение к телевидению, представляешь?!

– Я так рада, за тебя, моя милая... А в чём ты идёшь на собеседование? Я думаю, нужен тот синий костюм, что мы тебе купили у нас, от Томаса Кляйна. Он так подчёркивает твои глаза и...

– Нет, мама, я иду в красном платье...

– Это в каком?

– Ну такое, помнишь, карминно-красное, я в Испании покупала...

–???

– Ну, мама, вспомни же! Я ещё у папы на юбилее в нём была...

– Ах это... По-моему, красное не стоит надевать на собеседование, Мила... Это слишком вызывающе, о тебе могут составить неверное представление... К тому же, красное может позволить себе женщина с безупречной кожей... И к тому же синий так идёт брюнеткам...

– Мама, моя кожа, как раз, совершенно безупречна... А в тот раз, меня просто высыпало из-за ананасов... И красный цвет, если хочешь знать, на брюнетках выглядит тоже отлично, – Мила обиженно замолчала...

– Ладно, делай, как знаешь, в конце концов, ты большая девочка... Скажи мне лучше, как дела у Алексея?

– Да никак, после того, как он снова уволился, он никуда больше не ходил...

– Как же так? Мила, вы всего два года женаты, а от этого человека столько проблем... На что он жить собирается, хотела бы я знать?

– О, мам, не начинай, прошу тебя... Он сказал, что того, что он зарабатывает, ему вполне хватает, ну плюс эта... компенсация армейская...

– Господи ты, боже! Да сколько можно об одном и том же? Ну случилась трагедия во время службы, даже не трагедия, так, несчастный случай... Ну, погибли люди, ну да, его сослуживцы, он и сам чуть не погиб, ну и что теперь? Всю жизнь ходить под этим гнётом?? Мила, объясни ему, что нужно перешагнуть, перевернуть страницу и жить дальше, или, ладно, ты не сможешь, дай ему трубку, я сама с ним поговорю...

– Мама, его нет дома, к тому же он не будет с тобой разговаривать...

– Это, интересно, почему? Со всеми я могу находить общий язык, вот спроси у папы, (слышится нечто невнятное, но вполне миролюбивое) а он что, особенный?

– Не знаю, он говорит, что невозможно разговаривать с человеком, который из всех звуков, производимых человеческими голосами, слышит только свой собственный.

– Это он про меня, про твою мать так сказал?! Это просто неслыхано! Вот папа слышит, Мила, и он тоже очень возмущён! И потом, что значит, ему хватает? Это он о тех копейках, которые зарабатывает на своей стройке? Боже! Я первый раз вижу человека 27 лет, который настолько был бы лишён честолюбия и всякой гордости! И ужас! Этот человек – мой зять! А о тебе он подумал? А о нас вообще? Что люди скажут?

– Он сказал, что ему плевать, что будет говорить княгиня Марья Алексевна...

– Что? Какая княгиня?

– Это из классики, не обращай внимания...

– Бред какой-то... Мила, он ужасно на тебя влияет! А о репутации нашей семьи, он думает, вообще??

– Он сказал, что и рад бы забыть, но, благодаря нам, это совершенно исключено. Ох, мама, я всё это ему тысячу раз говорила, но после того, как по состоянию здоровья ему в армию путь закрыт, да ещё несчастье это с его товарищами, он..., ох, мам, он так изменился... Ну это просто другой человек! А ещё говорит, что это мне помочь нельзя...

– Это ещё что за новости? В каком смысле?

– Не знаю, ну вот на днях, как раз после того случая, когда он нагрубил Якову Львовичу и бросил заявление об уходе ему в лицо... Ах, мама мне до сих пор, так за него стыдно... Так вот, я ему пытаюсь втолковать, что нужно иногда переступать через себя, идти на компромисс, иначе не устроиться, да и не выжить в наших каменных джунглях, где человек человеку – волк, а он смотрит на меня, знаешь, грустно так смотрит, и говорит:

– Нет, Милка, тебя уже не спасти, и помочь тебе тоже ничем нельзя... Где, говорит, моя весёлая девчонка со смешной чёлкой?

– Что за глупости, чего он валит с больной головы на здоровую?

– Не знаю, но мне так ужасно жалко стало его, у него глаза были, мама, знаешь, как у больной и умирающей собаки, понимаешь?... А сегодня вечером он подошёл ко мне, обнял и стоял молча, долго так, как будто прощался. А потом говорит: "Давай бросим всё и уедем..." Я смотрю на него, думаю, совсем, что ли с ума сошёл? Куда уедем, когда я со дня на день ответа из той фирмы жду, когда у меня собеседования через день... Портфолио я теперь могу брать на собеседование, это так упрощает процесс, его и по электронке можно...

– Да, да, а потом он что?

– Что? А, да ничего, мам, если стоишь, то лучше сядь:

– Поехали, говорит, в деревню, у меня там дом, от матери остался, пятистенок, участок огромный, заделаемся фермерами, я же, говорит, крестьянский сын, меня к земле тянет...

– С ума сойти! Опять за своё?! Помнишь, после вашей свадьбы, он так вместе со своей мамашей и хотел сделать? Это же надо!? Где ты, а где деревня?! А мать его, ещё всё причитала, что нельзя, мол, Лёшке в город, загнётся он здесь... А всё потому, что не пара вы с ним, теперь-то ты это видишь? И мы с папой с самого начала так и говорили тебе. И кстати, десять часов уже, где твой муж в такое время?

– Ушёл прогуляться, иначе, говорит, не усну... Ладно, мам, завтра утром собеседование, нужно раньше лечь...

В это же самое время, молодой человек, по имени Алексей, муж Милы, комиссованный из армии в двадцать шесть лет по состоянию здоровья, после осколочного ранения в голову, стоял на крыше 12-этажного здания и курил. Прикрыв глаза, он внутренним зрением тут же увидел смеющееся лицо Димки Игнатьева, в руках которого разорвалась боевая граната, обязанная быть учебной... Его тогда шарахнуло по голове и отбросило взрывной волной. Он упал

и потерял сознание. Димка, Антоха и Серый упали тоже. Только в отличие от него, не поднялись уже больше никогда. Молодой человек отбросил в сторону погасший окурок и подошёл к самому краю. Он несколько секунд смотрел на расстилающийся перед ним прекрасный и сияющий огнями город, вдохнул полной грудью и шагнул вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.